

В. И. Ленин (Вен.)

TOM 41

Владимир Ильич Ленин
Полное собрание сочинений.
Том 41. Май – ноябрь 1920
Серия «Полное собрание
сочинений в 55-ти томах», книга 41

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17083766

*Полное собрание сочинений: Издательство политической литературы;
Москва; 1981*

Аннотация

Сорок первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина завершает ряд томов, включающих работы периода гражданской войны. В том входят произведения, написанные с мая по ноябрь 1920 года, когда советскому народу пришлось отражать новый, последний поход Антанты. Важнейшим событием этого периода в международном рабочем движении был созыв летом 1920 года II конгресса Коминтерна.

Содержание

Предисловие	5
1920 г.	43
Детская болезнь «левизны» в коммунизме{ 1 }	43
I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?	45
II. Одно из основных условий успеха большевиков	49
III. Главные этапы в истории большевизма	53
IV. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?	60
V. «Левый» коммунизм в Германии. Вожди – партия – класс – масса	72
VI. Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?	83
VII Участвовать ли в буржуазных парламентах?	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание
сочинений
Том 41
Май ~ ноябрь 1920

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета
Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

Сорок первый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина завершает ряд томов, включающих работы периода гражданской войны. В том входят произведения, написанные с мая по ноябрь 1920 года, когда советскому народу пришлось отражать новый, последний поход Антанты. Важнейшим событием этого периода в международном рабочем движении был созыв летом 1920 года II конгресса Коминтерна.

Центральное место в томе занимают вопросы международного рабочего и коммунистического движения. В произведениях Ленина, включенных в том, получили развитие организационные, программные и тактические основы коммунистических партий.

Характеризуя особенности развития коммунистического движения в тот период, Ленин отмечал, что во всех капиталистических странах лучшие представители революционного пролетариата вполне усвоили основные принципы Коммунистического Интернационала. Это было время мощного подъема мирового революционного движения, вовлечения в борьбу все новых и новых масс трудящихся, быстрого роста политического сознания и сплоченности рабочего класса, массового возникновения и упрочения коммунистических партий.

Вместе с тем в быстро растущем коммунистическом движении обозначились две опасности, грозившие совлечь освободительную борьбу пролетариата с правильного пути. Первая, наиболее серьезная опасность состояла в том, что часть старых, социал-демократических вождей и партий II Интернационала, уступая давлению масс или сознательно обманывая их, заявляли о своем присоединении к Коминтерну, хотя на деле эти руководители оставались оппортунистами. Вторая опасность, объяснявшаяся в то время неопытностью и недостаточной теоретической подготовленностью молодых коммунистов, состояла в «левизне», в сектантской тактике.

Ленин учил коммунистов бороться как против правого оппортунизма – реформизма и ревизионизма, так и против «левого» оппортунизма. Он неустанно разоблачал реформизм и ревизионизм, подчеркивая, что борьбе с этим врагом большевизм всегда уделял наибольшее внимание. Вместе с тем Ленин решительно выступал против «левого» оппортунизма, против догматизма и сектантства. Особенность «левого» оппортунизма заключается в том, что свою оппортунистическую сущность он прячет за «ультрареволюционной» фразеологией, играя на чувствах масс. Поэтому разоблачить его труднее, чем реформизм и ревизионизм. Громадная заслуга Ленина перед международным рабочим движением состояла в том, что он, разглядев «левый» оппортунизм в молодых коммунистических партиях при самом его

зарождении, вскрыл его вред и опасность для социалистической революции. Ленин показал, что «левое» доктринерство является отступлением от теории и практики марксизма к анархо-синдикализму и толкает коммунистические партии на пагубный для них путь изоляции от трудящихся масс.

В апреле – мае 1920 года ко II конгрессу Коминтерна В. И. Ленин написал гениальный труд – книгу «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Эта работа, которой открывается настоящий том, была призвана передать молодым коммунистическим партиям богатейший опыт большевизма; она явилась важным этапом в развитии марксистско-ленинской теории, в разработке стратегии и тактики пролетарских партий в новой исторической обстановке, в эпоху общего кризиса капитализма, в условиях существования двух систем. Книга предостерегала коммунистов от сектантских, догматических и иных ошибок, она учила правильному политическому руководству и в первую очередь умению бороться за массы, идейно завоевывать их на сторону пролетарского авангарда. Под этим углом зрения в книге разбирается ряд важнейших проблем российского и международного рабочего движения.

В своей книге В. И. Ленин поставил задачу рассмотреть опыт борьбы партии большевиков в связи со злободневными вопросами интернациональной коммунистической тактики, применить к другим странам «то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма» (настоящий том, стр. 30).

Обобщая опыт русской революции, Ленин делает важнейший принципиальный вывод о неизбежности повторения в международном масштабе некоторых главных черт революции в России. В первую очередь он обращает внимание на международное значение таких черт русской революции, как диктатура пролетариата, союз рабочего класса с трудящимися массами крестьянства, руководящая роль Коммунистической партии в борьбе за диктатуру пролетариата и социалистическое преобразование общества. Основные черты русской революции, указывал Ленин, имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение, они выражают главные закономерности перехода от капитализма к социализму и проявятся во всех странах в ходе пролетарских революций и строительства социализма. Это ленинское положение полностью подтверждено всеми последующими революциями и строительством новой жизни в странах социалистического лагеря.

Ленин развил положение о соотношении интернационального и национального в рабочем движении. Основные принципы коммунизма, указывал он, едины для всего международного рабочего движения, но в каждой отдельной стране пролетарская борьба неизбежно должна иметь и свои конкретные особенности в зависимости от экономики, политики, культуры и т. д. Главная задача коммунистических партий при разработке стратегии и тактики заключается в том, чтобы правильно применить основные принципы марксиз-

ма и опыт международного рабочего движения к национально-историческим особенностям каждой отдельной страны.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин, обращаясь к историческим урокам героической деятельности партии большевиков, освещает в связи с этим большие проблемные вопросы, делает важные обобщения. Он характеризует основные периоды истории большевистской партии, подробно останавливается на ее стратегии и тактике, искусстве применения и смены различных форм и методов борьбы в зависимости от конкретных условий. Ленин отмечает, что своих успехов большевики достигли благодаря правильной тактике соединения нелегальной работы с обязательным использованием легальных возможностей, благодаря тому, что они умели смело наступать и, если необходимо, организованно отступить, постоянно учились на опыте революционной борьбы.

Специальный раздел книги Ленина посвящен вопросу: в борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм? Этот вопрос имеет первостепенное значение для понимания особенностей и закономерностей развития пролетарской партии нового типа, для научного освещения как истории КПСС, так и истории всего коммунистического движения. Ленин показал, что на протяжении всей своей истории партия большевиков вела внутри рабочего движения и в своих собственных рядах последовательную, непримиримую борьбу на два фронта: с пра-

вым оппортунизмом и с «левым» доктринерством, сектантством. Опыт большевизма учит, что без этой борьбы, без идейного разгрома и преодоления различных оппортунистических течений пролетарская партия не может сохранить свое боевое единство и быть руководящей силой рабочего класса. Борьба с правым оппортунизмом и «левым» доктринерством – не только русское явление, это закономерность развития каждой коммунистической партии. Ленин указывал, что во всех странах коммунистам предстоит пережить борьбу «прежде всего и главным образом со *своим* (для каждой страны) «меньшевизмом», т. е. оппортунизмом и социал-шовинизмом; во-вторых – и в виде, так сказать, дополнения – с «левым» коммунизмом» (стр. 75).

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» подробно освещается история борьбы большевистской партии с мелкобуржуазной «революционностью», которая, как отмечал Ленин, «смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы» (стр. 14). На примере борьбы большевиков с эсерами, отзовистами, «левыми коммунистами» Ленин показывает особенности этого врага пролетарской партии. Для «левого» оппортунизма характерным является субъективизм в оценке событий, стремление перескочить через непройденные этапы движения, что толкает «левых» на авантюристические действия. В связи с характери-

стикой мелкобуржуазной полуанархической «революционности» Ленин замечал, что анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения и что обе уродливости взаимно пополняли друг друга. Таким образом, борьба против ошибок «левых» должна идти в тесном взаимодействии с борьбой против правых оппортунистов. Если в России, как отмечал Ленин, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм имел в революциях 1905 и 1917 годов сравнительно ничтожное влияние, то в этом большая заслуга партии большевиков, которая всегда вела самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма.

Большевизм, указывал Ленин, проделал практическую историю, которая по богатству опыта, разнообразию и скорости смены различных форм революционного движения не имеет себе равной в мире. Это позволило партии большевиков стать авангардом международного рабочего движения, образцом для других пролетарских партий.

Одним из центральных вопросов, разбираемых в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», является вопрос о диктатуре пролетариата. Обобщая опыт Великой Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти, Ленин развивает марксистское учение о диктатуре пролетариата.

К диктатуре рабочего класса коммунисты должны начи-

нать готовиться задолго до социалистической революции. Перед компартиями Ленин ставил задачу – отыскать и исследовать конкретные для каждой страны формы подхода и перехода к диктатуре пролетариата, глубоко, всесторонне изучить и творчески применять опыт пролетарской диктатуры в Советской России.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» показана и обоснована необходимость диктатуры пролетариата для всего периода строительства социалистического общества. Рабочему классу недостаточно завоевать власть, главное – удержать ее, отбить натиск сил контрреволюции и построить новое общество. Могущество свергнутой буржуазии, разъяснял Ленин, состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в силе привычки, в силе мелкого производства, которое *«рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»* (стр. 6). Вот почему победа над буржуазией невозможна без долгой, упорной борьбы, требующей выдержки, дисциплины, твердости, единства воли, а для этого нужна диктатура пролетариата.

Ленин учил строго различать задачи диктатуры пролетариата по отношению к буржуазии и по отношению к мелкобуржуазным массам. Это две разных стороны проявления диктатуры пролетариата. Если по отношению к свергнутым эксплуататорским классам задачи диктатуры пролетариата

определяются необходимостью подавления сопротивления этих классов, то по отношению к мелким собственникам перед рабочим классом стоят задачи воспитания, убеждения, вовлечения их в активное строительство новой жизни. Ленин писал, что мелких товаропроизводителей *«нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (стр. 27).

Ленин всесторонне раскрыл содержание пролетарской диктатуры, показал многогранность ее задач. «Диктатура пролетариата, – указывал он, – есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» (стр. 27). Ленин подчеркивал, что нельзя сводить сущность диктатуры пролетариата к одному только насилию, хотя она и не может быть осуществлена без насилия по отношению к свергнутым классам, степень которого определяется степенью сопротивления эксплуататоров. Главным содержанием диктатуры пролетариата является не насилие, а созидание, строительство нового, социалистического общества, защита его завоеваний от врагов социализма.

Великие исторические задачи диктатуры пролетариата могут быть выполнены успешно лишь при наличии у рабочего класса революционной марксистской партии, партии но-

вого типа. «Без партии, железной и закаленной в борьбе, — указывал Ленин, — без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно» (стр. 27). Руководство коммунистической партии есть главное в диктатуре пролетариата. Без этого руководства нельзя успешно осуществлять диктатуру рабочего класса.

Вопрос о месте и роли партии в системе диктатуры пролетариата рассматривается в книге в связи с ошибками некоторых «левых» коммунистов (прежде всего «левых» в Германии), которые, путаясь в таких понятиях, как «вожди», «партия», «класс», «массы», противопоставляли партию классу и демагогически рассуждали о «диктатуре вождей» и «диктатуре масс». Ленин напоминал, что массы делятся на классы, классами руководят политические партии, а во главе партий стоят опытные, авторитетные руководители. Последовательно борясь против чуждого духу марксизма культа личности, принижающего значение партии, Ленин решительно осуждал поведение «левых», которые подрывали партийное единство и под прикрытием лозунга «долой вождей» стремились сами занять руководящие посты и диктовать свою волю партии.

Осуждение культа личности отнюдь не означает отрицания необходимости авторитетных руководителей, пользующихся большим доверием и поддержкой масс. «... Поли-

тические партии, — писал Ленин, — в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями» (стр. 24).

Непонимание «левыми» роли пролетарской партии и ее руководящего ядра приводило их к отрицанию партийности, партийной дисциплины, а это, как отмечал Ленин, равносильно полному разоружению пролетариата в пользу буржуазии. Чтобы правильно, успешно, победоносно проводить организаторскую роль пролетариата, учил Ленин, нужна строжайшая дисциплина внутри партии. Без железной дисциплины партия не может быть подлинным руководителем рабочего класса, руководящей, направляющей силой диктатуры пролетариата.

Развитые в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и других работах В. И. Ленина положения о диктатуре пролетариата и руководящей роли партии легли в основу программ революционных марксистских партий, они имеют первостепенное значение для решения задач пролетарской революции и социалистического строительства.

Диктатура пролетариата в СССР сыграла всемирно-историческую роль, обеспечив полную и окончательную победу социализма и переход общества к развернутому строительству коммунизма. Это яркое свидетельство торжества идей ленинизма. Выполнив свою историческую миссию, диктату-

ра пролетариата с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в Советской стране. Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, говорится в Программе партии, принятой на XXII съезде КПСС, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа.

Наибольшее внимание в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин уделяет борьбе против сектантской позиции «левых» коммунистов, недооценивавших революционные возможности масс трудящихся, не умевших и не желавших бороться за массы. В книге показан весь вред и авантюризм подобной позиции «левых».

Ленин указывал, что после того, как выполнена первая историческая задача — осуществлено идейное завоевание пролетарского авангарда, перед коммунистами зарубежных стран встает следующая очередная задача — научиться руководить не только своей партией, но и широкими массами трудящихся в процессе их подхода и перехода на позицию диктатуры рабочего класса. С одним пролетарским авангардом победить нельзя; бросить один только авангард в решительный бой, пока широкие массы трудящихся не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему, — преступление. Ленин разъяснял, что если первую задачу (завоевание пролетарского авангарда) нельзя решить

без полной идейной и политической победы над оппортунизмом и социал-шовинизмом, то второй задачи, которая состоит в умении подвести массы на новую позицию, обеспечивающую победу революции, нельзя выполнить без ликвидации «левого» доктринерства, без полного преодоления его ошибок.

Для вовлечения миллионов трудящихся в активную борьбу, учил Ленин, недостаточно одной лишь пропаганды и агитации, для этого необходим собственный политический опыт этих масс. Надо, чтобы массы на практике убедились в правоте политики партии коммунистов. Искусство умелого политического руководства в том и заключается, чтобы применять такие средства и методы, которые, исходя из опыта масс и уровня их сознательности, могли бы вести массы дальше, к борьбе за конечные цели.

Ленин подчеркивал, что коммунисты должны «обязательно *работать там, где есть масса*» (стр. 36). Эта мысль красной нитью проходит через все разделы книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Коммунисты должны вести постоянную работу в профсоюзах, кооперативах, женских, молодежных, культурно-просветительных и других организациях трудящихся. Особо большое значение придавал Ленин профсоюзам как наиболее массовым организациям трудящихся. Он указывал, что коммунисты обязаны проводить строгое различие между реакционной верхушкой профсоюзов и рядовой профсоюзной массой, «уметь *убедить* от-

сталых, уметь работать *среди* них, а не *отгораживаться* от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами» (стр. 38).

Другим важным вопросом, поставленным в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», является вопрос об участии коммунистов в буржуазных парламентах. Критикуя надуманные доводы «левых», выступавших против работы коммунистов в буржуазных парламентах, Ленин на примере деятельности большевиков в Государственных думах учил коммунистические партии революционной парламентской тактике, правильному использованию парламента в целях политического просвещения и организации масс. В странах капитала многие трудящиеся еще верят в буржуазный парламентаризм, а потому, указывал Ленин, «участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания отсталых слоев *своего* класса, *именно* в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской *массы*» (стр. 42).

В современных условиях, когда в мире произошло коренное изменение соотношения сил в пользу социализма и во много раз возросла массовая основа революционного движения, в связи с чем создались новые условия для более широкого применения парламентских форм борьбы, вопрос об использовании парламента рабочим классом получил дальнейшее развитие в программных документах КПСС и брат-

ских коммунистических партий. В принятой на XXII съезде КПСС Программе партии указывается, что в настоящее время в ряде капиталистических стран рабочий класс имеет возможность, опираясь на поддержку большинства народа, нанести поражение реакционным силам, завоевать прочное большинство в парламенте, превратить его из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу, и, развернув внепарламентскую широкую массовую борьбу, сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции. Все это возможно только путем широкого, непрерывного развития классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев против крупного монополистического капитала, против реакции, за глубокие социальные реформы, за мир и социализм. В то же время необходимо иметь в виду возможность и немирного перехода к социализму. В каждой стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму решается конкретными историческими условиями и зависит от силы сопротивления свержаемых эксплуататорских классов.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин показал также полную несостоятельность утверждения «левых», что революционная пролетарская партия не может и не должна идти ни на какие компромиссы и соглашения с другими партиями и группами. Компромиссы, учил он, бывают разные. Первым условием правильного решения это-

го важного для тактики пролетарской партии вопроса является конкретно-исторический подход к каждому компромиссу, каждому соглашению, учет соотношения сил и реальных возможностей борьбы. Надо ясно понимать, во имя чего заключается тот или иной компромисс. Одно дело компромисс, который заключается не в интересах рабочего класса, а против него. Такого рода предательские, штрейкбрехерские компромиссы, которые заключают реформисты, совершенно недопустимы для партии революционного пролетариата. Другое дело – компромисс, который усиливает революционные позиции рабочего класса; от такого рода компромиссов марксисты не могут отказываться. Но, вступая в соглашения с другими партиями, коммунисты не должны прекращать своей борьбы против буржуазной и реформистской идеологии и политики. Через все компромиссы, поскольку они диктуются обстоятельствами, революционная пролетарская партия должна проводить верность своим принципам, своему классу, своей конечной цели.

Этой линии должны придерживаться коммунистические партии и в области международной политики, в отношениях социалистических государств к капиталистическим странам; если этого требуют интересы сохранения мира, сохранения завоеваний социализма, необходимо идти на разумные политические компромиссы. В качестве примера Ленин привел заключение Советским государством Брестского мира с империалистической Германией, охарактеризовав его

как компромисс, «но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*». «Принимать бой, когда это заведомо выгодно неприятелю, а не нам, есть преступление, — указывал Ленин, — и никуда негодны такие политики революционного класса, которые не сумеют проделать «лабиринты, соглашения, компромиссы», чтобы уклониться от заведомо невыгодного сражения» (стр. 61–62).

Ленин учил коммунистов овладевать всеми средствами и приемами трудного искусства политического руководства. Он разъяснял, что политика и тактика партии должны быть основаны на объективном, научном учете всех классовых сил как внутри данной страны, так и в других государствах, а также на учете опыта международного революционного движения. Ленин резко критиковал догматизм «левых», не желавших считаться с изменяющейся обстановкой, творчески развивать и применять революционную теорию, использовать новые возникающие возможности в интересах рабочего класса и освободительного движения всех трудящихся. Коммунистическим партиям, указывал Ленин, необходимо быть максимально гибкими в своей тактике, выдвигать новые формы политической деятельности и уметь использовать старые формы, вливая в них новое содержание, уметь быстро, когда этого требует обстановка, заменять одни приемы борьбы другими.

Большое значение для правильного политического руководства имеют указания Ленина о том, как пролетарская

партия должна относиться к допущенным ею ошибкам. Он отмечал, что отношение партии к своим ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения на деле ее обязанностей к своему классу и трудящимся массам. «Открыто признать ошибку, – писал Ленин, – вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку – вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это – воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*» (стр. 41).

Ленин подчеркивал, что главным врагом в рабочем движении является правый оппортунизм – реформизм и ревизионизм. Вместе с тем он показал, что и «левый» оппортунизм, догматизм и сектантство, если против них не вести самой решительной борьбы, способны нанести серьезный ущерб не только той или иной партии, но и всему мировому коммунистическому движению. Если в 1920 году Ленин рассматривал «левизну» как «детскую болезнь» молодых коммунистических партий, как болезнь их роста, то позднее он уже подходил к ней как к вполне определившемуся и крайне опасному направлению в международном коммунистическом движении. Так, на III конгрессе Коминтерна, состоявшемся летом 1921 года, он прямо указывал, что «левое» доктринерство становилось главной опасностью для международного коммунистического движения. «Если конгресс, – говорил он, – не будет вести решительного наступления против таких

ошибок, против таких «левых» глупостей, то все движение осуждено на гибель. Таково мое глубокое убеждение» (Сочинения, 4 изд., том 32, стр. 444).

Работа В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» с момента ее выхода в свет стала для коммунистов всех стран настольной книгой, которая оказывает им постоянную помощь в борьбе за последовательную коммунистическую тактику против всех проявлений политического сектантства, доктринерства и других ошибок. Она сыграла огромную роль в определении задач и выработке политической линии коммунистических партий; важнейшие положения и выводы книги легли в основу решений II конгресса Коминтерна.

В настоящий том входит большая группа документов II конгресса Коминтерна: составленные В. И. Лениным тезисы, его выступления на пленарных заседаниях, а также подготовительные материалы к конгрессу. Эти документы дополняют и развивают положения книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Вместе с тем в них освещается ряд новых вопросов теории и тактики коммунистических партий. С материалами II конгресса Коминтерна тесно связаны и некоторые другие работы Ленина того периода, в которых анализируются решения конгресса и даются практические советы компартиям по тактическим и организационным вопросам (см. «Письмо к австрийским коммунистам», «Письмо к немецким и французским рабочим», статьи «Второй

конгресс Коммунистического Интернационала», «О борьбе внутри Итальянской социалистической партии» и др.).

В день открытия конгресса В. И. Ленин выступил с докладом о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала. В этом докладе дан всесторонний анализ международного, экономического и политического положения и охарактеризованы главные империалистические противоречия, которые, достигнув чрезвычайной остроты, подрывают устои капитализма во всем мире.

Ленин исходил из того, что основным содержанием эпохи, которую открыла Октябрьская революция, является переход от капитализма к социализму. Капиталистическая система не может уже удержать под своим господством народы, которые один за другим вырываются из-под гнета капитала и вступают на путь социализма. Ленин указывал, что со времени Октябрьской революции все события международной политики определяются борьбой двух социальных систем: с одной стороны, системы социализма (тогда в лице первой Республики Советов) и, с другой стороны, системы капитализма, все усилия которой направлены на то, чтобы задушить новый общественный строй. Мир капитализма и мир социализма развиваются в двух противоположных направлениях, осуществляют две противоположные политики. Выступая за мирное сосуществование и соревнование государств с различным социальным устройством, Ленин постоянно подчеркивал историческую неизбежность победы во всем мире но-

вого общественного строя, торжества коммунизма, неотвратимость гибели всей капиталистической системы.

Ленин выдвинул важнейшие положения об общем кризисе капитализма, начало которому положили первая мировая война и Октябрьская революция. Характеризуя основные проявления этого кризиса, он отмечал, что после окончания войны произошло «гигантское обострение *всех* капиталистических противоречий как внутри всех капиталистических стран, так и между странами», что усилился гнет колониальный и военный, что и среди стран-победительниц началось и все усиливается разложение, что ««механика» мирового капиталистического хозяйства распадается целиком». Этот всесторонний кризис капитализма как социальной системы в целом означает все более прогрессирующее разложение капиталистического общества, ослабление всех его внутренних сил.

Гениально предвидел Ленин и дальнейший ход исторического развития, превращение диктатуры пролетариата «из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» (настоящий том, стр. 165). Этот вывод, который Ленин сделал в «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам», полностью подтвержден жизнью. Ныне решающим факто-

ром мирового развития становится социализм с его идеалами мира и прогресса. В центре современной эпохи, говорится в Программе КПСС, стоят международный рабочий класс и его главное детище – мировая система социализма.

В докладе о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала Ленин отмечал, что крайнее обострение капиталистических противоречий привело к могучему подъему революционного движения во всех странах мира. Возникший революционный кризис, указывал он, следует рассматривать в непосредственной связи с экономическими условиями развития мирового кризиса капиталистической системы.

Обращая внимание коммунистов на то, что вся экономическая и политическая обстановка необыкновенно богата горючим материалом и поводами для его неожиданного воспламенения, Ленин в то же время предостерегал от поспешных выводов, необдуманных действий, попыток «ускорить революцию» и подчеркивал необходимость тщательной подготовки к революции, к диктатуре пролетариата. Главную задачу он видел в сплочении коммунистических сил, образовании в каждой стране коммунистической партии и укреплении уже существующих компартий, очищении их от оппортунистических и центристских элементов, преодолении сектантских ошибок, развертывании революционной работы в массах рабочего класса, в деревне и в армии.

В материалах II конгресса Коминтерна развиваются важ-

нейшие положения учения о пролетарской партии. В своих выступлениях и тезисах В. И. Ленин подробно останавливается на вопросе о роли коммунистической партии в революционном движении, на ее тактических задачах и организационных принципах. Особенно большое значение для коммунистических партий имели «Условия приема в Коммунистический Интернационал», в которых нашло свое яркое воплощение ленинское учение о пролетарской партии нового типа, указаны важнейшие направления ее работы и внутрипартийной жизни, сжато охарактеризованы программные и тактические принципы Коминтерна. В этом документе подчеркивалась необходимость построения коммунистических партий по принципу демократического централизма, отмечалось, что партия сможет выполнить свой долг лишь в том случае, если в ней будет железная дисциплина и если ее партийный центр будет авторитетным, с широкими полномочиями органом, пользующимся всеобщим доверием членов партии. В «Условиях приема в Коммунистический Интернационал» был сформулирован один из важнейших принципов пролетарского интернационализма – обязанность каждой коммунистической партии «оказывать беззаветную поддержку каждой советской республике в ее борьбе против контрреволюционных сил» (стр. 209).

Большое место в работе II конгресса Коминтерна занял национально-колониальный вопрос. В. И. Ленин принял самое деятельное участие в выработке решений конгресса по

этому пункту порядка дня; он составил тезисы, принятые конгрессом, выступил с докладом комиссии по национальному и колониальному вопросам. В основу решений конгресса легли марксистско-ленинские принципы пролетарского интернационализма. Конгресс подчеркнул необходимость оказания помощи угнетенным и зависимым народам в их освободительной борьбе. Во главу угла всей политики Коминтерна по национально-колониальному вопросу ставилось сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы. В своих выступлениях на конгрессе Ленин указывал, что всемирный империализм падет тогда, когда революционный натиск эксплуатируемых рабочих внутри каждой страны соединится с революционным натиском сотен миллионов угнетенных в колониях и отсталых странах.

В тезисах по национальному и колониальному вопросам В. И. Лениным поставлен очень важный, актуальный и для настоящего времени вопрос о том, как коммунистическим партиям относиться к буржуазно-демократическим освободительным движениям в колониальных и отсталых странах, к прогрессивной национальной буржуазии, поскольку она выступает революционно. Ленин указывал, что коммунистические партии должны идти «во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме» (стр.

167). При этих условиях, сохраняя за собой полное право организационной и воспитательной работы в массах, коммунисты должны и будут поддерживать буржуазно-демократические освободительные движения в колониальных странах. Эти положения являлись дальнейшим развитием важной мысли Ленина, высказанной им на II съезде коммунистических организаций народов Востока в ноябре 1919 года, о том, что коммунистам стран Востока «придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов, и не может не пробуждаться, и который имеет историческое оправдание» (Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 330).

В своих произведениях Ленин проводил мысль, что если раньше национально-освободительное движение завершалось приходом к власти буржуазии, то в эпоху общего кризиса капитализма эти движения, руководимые пролетариатом во главе с коммунистическими партиями, могут, при благоприятных условиях, привести к установлению подлинно народной власти. В этом случае бывшие колониальные страны, в которых сохранились еще докапиталистические отношения, получают возможность с помощью победившего пролетариата передовых стран осуществить постепенный переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Это важнейшее положение, сформулированное Лениным в докладе комиссии по национальному и колониальному вопросам на основе первого опыта работы РКП(б) в

советских республиках Средней Азии, имеет исключительно большое значение для современной эпохи бурных национально-освободительных революций, когда перед народами, вырвавшимися из-под колониального гнета, встает коренной вопрос: по какому пути пойдут их страны – по пути капиталистического или некапиталистического развития.

Крупным вкладом в теорию марксизма и практику строительства социализма явилось научное обоснование Лениным необходимости для независимых советских республик их добровольного объединения на базе полного равноправия в единый государственный союз. В тезисах по национальному и колониальному вопросам указывается, что надо «стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» (на-

стоящий том, стр. 164).

На II конгрессе Коминтерна обсуждались и были приняты в качестве резолюции тезисы В. И. Ленина по аграрному вопросу. В тезисах намечались основные направления работы коммунистов в деревне, определялись задачи коммунистических партий по отношению к различным слоям крестьянства как в период борьбы за победу социалистической революции, так и после установления диктатуры пролетариата, проводилась идея гегемонии пролетариата, обосновывалась необходимость союза рабочего класса и трудящегося крестьянства.

II конгресс Коминтерна явился важной вехой в развитии коммунистического движения, в сплочении сил международного пролетариата. Подводя итоги конгресса, Ленин писал: «Всемирная армия революционного пролетариата – вот что стоит теперь за коммунизм, вот что получило свою организацию, ясную, точную, подробную программу действий на закончившемся конгрессе» (стр. 275).

Среди произведений, вошедших в том, большое место занимают выступления Ленина в связи с ходом польско-советской войны. Он указывал, что война буржуазно-помещичьей Польши против Советской России являлась по сути дела новым походом Антанты против Республики Советов, что за спиной польских правящих кругов стоят французские, английские и американские империалисты. Выступая 5 мая 1920 года перед красноармейцами, отправляющими-

ся на польский фронт, Ленин подчеркивал, что Советское государство войны не хотело, что война была ему навязана, что Советское правительство, последовательно проводя миролюбивую внешнюю политику, шло на большие уступки и неоднократно предлагало Польше мир на выгодных для нее условиях. Эту мысль Ленин проводил много раз в своих выступлениях на митингах, собраниях, конференциях. Он разоблачал авантюристическую политику господствующих классов Польши, развязавших эту войну, и приветствовал героическую борьбу польских рабочих в поддержку Советской России, говорил о чувствах глубокой симпатии, которые испытывают народы нашей страны к народу Польши.

Помощь фронту – вот основная задача, которую выдвигал Ленин в это трудное для страны время перед всеми партийными, советскими, хозяйственными, общественными организациями. «... Раз дело дошло до войны, – указывал он, – то все должно быть подчинено интересам войны, вся внутренняя жизнь страны должна быть подчинена войне, ни малейшее колебание на этот счет недопустимо» (стр. 117). Об этом Ленин говорил на соединенном заседании ВЦИК, Моссовета, профсоюзов и фабзавкомов, на 2-м Всероссийском совещании ответственных организаторов по работе в деревне, на съезде рабочих и служащих кожевенного производства, на совещании актива Московской организации РКП(б) и во многих других своих речах и работах.

Вопросы польской войны подробно обсуждались на состо-

явшейся 22–25 сентября 1920 года в Москве IX Всероссийской конференции РКП(б). Выступая на конференции с политическим отчетом ЦК РКП(б), В. И. Ленин осветил международную обстановку в связи с развитием польско-советской войны летом 1920 года, охарактеризовал основные этапы войны, остановился на значении наступления советских войск на Варшаву, вскрыл причины последовавших за этим неудач. Он показал, что буржуазно-помещичья Польша являлась тогда одним из звеньев всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре, последним оплотом Антанты в борьбе против большевиков. Вот почему, когда Красная Армия поставила этот оплот под угрозу – заколебалась вся система. Революционная борьба пролетариата в странах Европы в этот период достигла крайнего накала. Все это нельзя не учитывать, оценивая общие итоги польско-советской войны. Несмотря на неудачу, постигшую наши войска под Варшавой, империалистам не удалось достичь своей цели. В результате агрессивные планы Антанты потерпели провал. В речи на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии от 15 октября 1920 года Ленин говорил, что польская война кончилась так, как ни одно из империалистических государств не ожидало. Исторический урок этой войны показывает, что «каковы бы ни были попытки нашествия на Россию и военные предприятия против России, а таких попыток еще, вероятно, будет не одна, но мы

уже закалены нашим опытом и на основании фактического опыта знаем, что все эти попытки рассыплются прахом. И после каждой попытки наших врагов мы будем выходить более сильным, чем были до них» (стр. 356). История полностью подтвердила всю правоту этих вещей слов. Они являются серьезным предупреждением и современным подстрекателям новой войны.

IX Всероссийская конференция РКП(б), помимо обсуждения итогов военной кампании лета 1920 года, много внимания уделила вопросу об очередных задачах партийного строительства. В настоящем томе впервые в Сочинениях В. И. Ленина полно представлены ленинские материалы, связанные с IX конференцией. Кроме опубликованного в прежних изданиях Сочинений выступления Ленина на конференции с политическим отчетом ЦК, в том включены: речь Ленина об очередных задачах партийного строительства (печатается впервые), его проект резолюции «Об очередных задачах партийного строительства» и предложения к этой резолюции (оба последних документа публиковались ранее в Ленинских сборниках).

В речи и проекте резолюции по вопросу об очередных задачах партийного строительства Ленин наметил конкретные меры по развитию внутрипартийной демократии, улучшению работы партийных органов в центре и на местах, по искоренению элементов бюрократизма, голого администрирования и других нездоровых явлений, которые проявились

в тот период в ряде организаций. Ленин выдвигал в качестве первого требования «безусловную обязательность более частых и более широких собраний членов партии наряду с другими мерами к развитию самостоятельности членов партии» (стр. 293).

В условиях напряженной военной обстановки воспитательная, организаторская, хозяйственная деятельность партии была подчинена прежде всего задачам обороны страны. Вместе с тем уже в тот период Ленин намечает основные направления работы партии и Советского правительства после окончания войны. Он подчеркивает важность экономических задач – восстановления промышленности, осуществления государственного плана электрификации всей страны, подъема сельского хозяйства. Большой интерес представляют составленные Лениным 19 октября 1920 года «Заметки об очередных задачах партии». В этом документе указаны основные вопросы, которые встанут перед партией после разгрома Врангеля и которые надо будет обсудить на предстоящем, X съезде РКП(б). В качестве одной из главных очередных задач выделен следующий вопрос – «укрепление связи Советской власти с крестьянством» (стр. 368). Этот вопрос и стал центральным на съезде партии весной 1921 года. В «Заметках об очередных задачах партии» указано также на необходимость решения таких вопросов, как развитие самостоятельности профсоюзов, борьба с бюрократизмом и волокитой в советских учреждениях, проверка ре-

альных успехов борьбы и проведение некоторых других мероприятий.

В произведениях, вошедших в том, большое место занимают вопросы коммунистического воспитания и культурного строительства. В статье «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маевке» и в речи на митинге, посвященном закладке памятника Освобожденному труду, 1 мая 1920 года Ленин говорил о необходимости направить все усилия на выработку коммунистического сознания, установления новых общественных связей между людьми, воспитания нового отношения к труду и новой дисциплины. «Мы будем работать, – указывал Ленин, – чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд» (стр. 108).

2 октября 1920 года на III съезде РКСМ Ленин выступил со своей исторической речью «Задачи союзов молодежи», ставшей программным документом партии в деле коммунистического воспитания молодых строителей новой жизни. В речи поставлена перед молодежью задача – учиться коммунизму, воспитывать себя коммунистами. Учиться коммунизму, разъяснял Ленин, – это прежде всего связывать каждый шаг своего воспитания и образования с борьбой ра-

бочего класса против эксплуататоров, с его повседневным трудом. Коммунистическое воспитание состоит в том, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело, на дело строительства коммунизма. На этой основе должны воспитываться, внедряться в сознание коммунистическая мораль, коммунистическая нравственность. Указанные в речи Ленина нравственно-этические нормы поведения человека нового общества легли в основу морального кодекса строителей коммунизма, сформулированного с большой полнотой в Программе партии, принятой на XXII съезде КПСС.

Ленин требовал от молодежи самого серьезного отношения к учебе. Он говорил, что коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. «Перед вами задача строительства, – указывал Ленин, – и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых заученных формул, советов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратить коммунизм в руководство для вашей практической работы» (стр. 308).

В связи с проблемой коммунистического воспитания и просвещения масс Ленин останавливался на вопросе об отношении пролетариата к культурному наследию прошлого, говорил о путях и методах строительства новой, пролетарской культуры. Он показал, что пролетарская культура должна явиться закономерным развитием и переработкой тех за-

пасов знания, которые человечество выработало под гнетом эксплуататорского общества. Ленин учил, что создание новой, социалистической культуры – сложный и многогранный процесс, охватывающий все стороны общественной жизни, что культурное строительство, как часть общей программы строительства социализма и коммунизма в нашей стране, должно проходить под руководством коммунистической партии и опираться на творческую инициативу масс.

Ленин придавал огромное значение идеологической работе Коммунистической партии. «Наша задача, – указывал он, – побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное» (стр. 406). Выступая на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 года, Ленин подробно говорил о том, как должна быть организована массово-политическая и просветительная работа в стране. Уничтожающей критике подверг он буржуазную проповедь аполитичности и с большой силой подчеркнул необходимость партийного руководства всеми областями государственной, хозяйственной и общественной жизни.

Основным направлением идеологической работы Ленин считал пропаганду коммунизма. Такая пропаганда, учил он, должна исходить не из общих рассуждений и догадок, каким будет коммунизм, а из конкретных задач хозяйственного и государственного строительства, практически показывая,

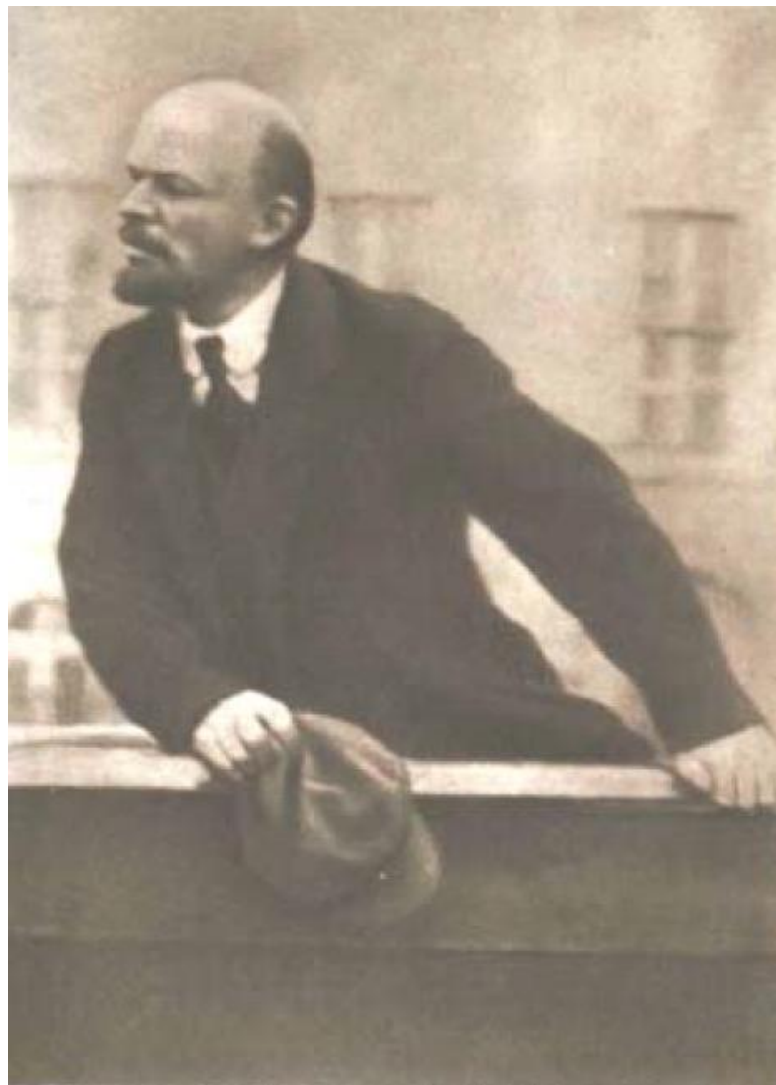
как надо строить социализм. Определяя основную цель коммунистической пропаганды, Ленин указывал: «Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как собственное дело... Для нас он уже перестал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело сегодняшнего фактического строительства» (стр. 408).

* * *

В сорок первый том включены 33 ленинских документа, не входивших ранее в Собрания сочинений В. И. Ленина (20 – печатаются в основном тексте тома, 12 – в разделе «Подготовительные материалы», 1 – в разделе «Приложения»). Большая часть этих работ была опубликована в XXXIV, XXXV и XXXVI Ленинских сборниках и в некоторых других изданиях. Выступления Ленина при закладке памятника К. Марксу 1 мая, на заседании Исполкома Коминтерна 19 июня и на митинге, посвященном закладке памятника К. Либкнехту и Р. Люксембург в Петрограде, 19 июля 1920 года были опубликованы лишь в прессе того времени. Беседа Ленина с японским корреспондентом Р. Накахира, на русском языке впервые опубликованная 16 апреля 1963 года в газете «Известия» № 91 в переводе с английского, в настоящем томе печатается в переводе с более полного японского текста. Три документа: речь об очередных задачах партийного строительства на IX Всероссийской конференции РКП(б),

набросок тезисов об основных задачах II конгресса Коминтерна и замечания на доклад Султан-Заде о перспективах социальной революции на Востоке – печатаются впервые.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

В. И. Ленин (*1920*)

1920 г.

**Детская болезнь
«ЛЕВИЗНЫ» в коммунизме^[1]**

Написано в апреле – мае 1920 г.

Напечатано в июне 1920 г. в Петрограде отдельной книгой Государственным издательством

Печатается по тексту книги, сверенному с рукописью

Н. ЛЕНИН
ДЕТСКАЯ
БОЛЕЗНЬ
«ЛЕВИЗНЫ»
В КОММУ-
НИЗМЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕТЕРБУРГ

1 · 9 · 2 · 0

Обложка книги В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». – 1920 г. (*Уменьшено*)

I. В каком смысле можно говорить о международном значении русской революции?

Первые месяцы после завоевания пролетариатом политической власти в России (25. X. – 7. XI. 1917) могло казаться, что громадные отличия отсталой России от передовых западноевропейских стран сделают революцию пролетариата в этих последних очень мало похожей на нашу. Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей ре-

волюции.

Конечно, было бы величайшей ошибкой преувеличить эту истину, распространить ее не только на некоторые из основных черт нашей революции. Точно так же было бы ошибочно упустить из виду, что после победы пролетарской революции хотя бы в одной из передовых стран наступит, по всей вероятности, крутой перелом, именно: Россия сделается вскоре после этого не образцовой, а опять отсталой (в «советском» и в социалистическом смысле) страной.

Но в данный исторический момент дело обстоит именно так, что русский образец показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. Передовые рабочие во всех странах давно поняли это, — а еще чаще не столько поняли, сколько инстинктом революционного класса схватили, почуяли это. Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики. Этого не поняли «революционные» вожди II Интернационала, вроде Каутского в Германии, Отто Бауэра и Фридриха Адлера в Австрии, которые и оказались поэтому реакционерами, защитниками худшего оппортунизма и социал-предательства. Между прочим, анонимная брошюра «Всемирная революция» («Weltrevolution»), вышедшая в 1919 году в Вене (Sozialistische Bibliothek, Heft 11; Ignaz Brand¹), показывает особенно наглядно весь ход мысли и весь круг мысли, вер-

¹ Социалистическая библиотека, выпуск 11; Игнац Бранд. *Ред.*

нее, всю бездну недомыслия, педантства, подлости и предательства интересов рабочего класса – и притом под соусом «защиты» идеи «всемирной революции».

Но остановиться подробнее на этой брошюре придется когда-либо в другой раз. Здесь же отметим только еще одно: в давно-давно прошедшие времена, когда Каутский был еще марксистом, а не ренегатом, он, подходя к вопросу, как историк, предвидел возможность наступления такой ситуации, при которой революционность русского пролетариата станет образцом для Западной Европы. Это было в 1902 году, когда Каутский писал в революционной «Искре»^[2] статью «Славяне и революция». Вот что он писал в этой статье:

«В настоящее же время» (в противоположность 1848 году) «можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. Революционный центр передвигается с запада на восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году и Германия вступила в ряды революционных наций... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него

источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставит снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России.... С царем русские революционеры, быть может, давно справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника – европейского капитала. Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую, счастливую весну для народов» (*Карл Каутский. «Славяне и революция», статья в «Искре», русской с.-д.*

Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!

II. Одно из основных условий успеха большевиков

Наверное, теперь уже почти всякий видит, что большевики не продержались бы у власти не то что $2\frac{1}{2}$ года, но и $2\frac{1}{2}$ месяца без строжайшей, поистине железной дисциплины в нашей партии, без самой полной и беззаветной поддержки ее всей массой рабочего класса, т. е. всем, что есть в нем мыслящего, честного, самоотверженного, влиятельного, способного вести за собой или увлекать отсталые слои.

Диктатура пролетариата есть самая беззаветная и самая беспощадная война нового класса против *более могущественного* врага, против буржуазии, сопротивление которой *удесятерено* ее свержением (хотя бы в одной стране) и могущество которой состоит не только в силе международного капитала, в силе и прочности международных связей буржуазии, но и в *силе привычки*, в силе *мелкого производства*. Ибо мелкого производства осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство *рождает* капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе. По всем этим причинам диктатура пролетариата необходима, и победа над буржуази-

ей невозможна без долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть, – войны, требующей выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли.

Повторяю, опыт победоносной диктатуры пролетариата в России показал наглядно тем, кто не умеет думать или кому не приходилось размышлять о данном вопросе, что безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата являются одним из основных условий для победы над буржуазией.

На этом часто останавливаются. Но далеко недостаточно размышляют о том, что это значит, при каких условиях это возможно? Не следует ли возгласы приветствия по адресу Советской власти и большевиков *почаще* сопровождать *серьезнейшим анализом* причин того, *почему* большевики могли выработать необходимую для революционного пролетариата дисциплину?

Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата.

И прежде всего является вопрос: чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его вы-

держкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, *но также и с непролетарской* трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы *собственным опытом* убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима. Без этих условий попытки создать дисциплину неминуемо превращаются в пустышку, в фразу, в кривлянье. А эти условия, с другой стороны, не могут возникнуть сразу. Они вырабатываются лишь долгим трудом, тяжелым опытом; их выработка облегчается правильной революционной теорией, которая, в свою очередь, не является догмой, а окончательно складывается лишь в тесной связи с практикой действительно массового и действительно революционного движения.

Если большевизм мог выработать и успешно осуществить в 1917–1920 годах, при невиданно тяжелых условиях, самую строгую централизацию и железную дисциплину, то причина тому заключается просто-напросто в ряде исторических особенностей России.

С одной стороны, большевизм возник в 1903 году на са-

мой прочной базе теории марксизма. А правильность этой – и только этой – революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следуя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903–1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много

в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы *всех* классов современного общества, при том борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта.

III. Главные этапы в истории большевизма

Годы подготовки революции (1903–1905). Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений^[31]) и пролетарско-революционного, ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и готовят грядущую открытую борьбу классов. *Все* вопросы, из-

за которых шла вооруженная борьба масс в 1905–1907 и в 1917–1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее, в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизуются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв. Годы революции (1905–1907). Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действием масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким, крестьянством. Рождение, в стихийном развитии борьбы, советской формы организации. Тогдашние споры о значении Советов предвосхищают великую борьбу 1917–1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма с тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношения и связи – все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки – и масс и вождей, и классов и партий – году «мирно-

го» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна.

Годы реакции (1907–1910). Царизм победил. Все революционные и оппозиционные партии разбиты. Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений. Но в то же время именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастьи. Разбитые армии хорошо учатся.

Победивший царизм вынужден ускоренно разрушать остатки добуржуазного, патриархального быта в России. Буржуазное развитие ее шагает вперед замечательно быстро. Внеклассовые, надклассовые иллюзии, иллюзии насчет возможности избежать капитализма разлетаются прахом. Классовая борьба выступает совсем по-новому и тем более отчетливо.

Революционные партии должны доучиваться. Они учились наступать. Теперь приходится понять, что эту науку необходимо дополнить наукой, как правильное отступать. Приходится понять, – и революционный класс на собственном горьком опыте учиться понимать, – что нельзя победить,

не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех разбитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим ущербом для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях.

Годы подъема (1910–1914). Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленских событий 1912 года, несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционнейшей Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию.

Первая всемирная империалистская война (1914–1917). Легальный парламентаризм, при условиях крайней реакционности «парламента», служит полезнейшую службу партии революционного пролетариата, большевикам. Большевики-депутаты идут в Сибирь^[4]. В эмигрантской прессе все оттенки взглядов социал-империализма, социал-шовинизма, социал-патриотизма, непоследовательного и последовательного интернационализма, пацифизма и революционного отрицания пацифистских иллюзий находят у нас свое полное выражение. Ученые дураки и старые бабы II Интернационала, которые пренебрежительно и высокомерно морщили нос по поводу обилия «фракций» в русском социализме и ожесточенности борьбы между ними, не сумели, когда война отняла хваленую «легальность» во *всех* передовых странах, организовать даже приблизительно такого свободного (нелегального) обмена взглядов и такой свободной (нелегальной) выработки правильных взглядов, какие организовали русские революционеры в Швейцарии и в ряде других стран. Именно поэтому и прямые социал-патриоты и «каутскианцы» всех стран оказались худшими предателями пролетариата. А если большевизм сумел победить в 1917–1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 года беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства» (которому соответствует лонгетизм^[5] во Франции, взгляды вождей Независимой рабочей партии^[6] и фаби-

анцев^[7] в Англии, Турати в Италии и т. д.), массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правильности взглядов большевиков.

Вторая революция в России (с февраля по октябрь 1917 г.). Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную – в обстановке войны, – чем любая страна в мире. Правительство стали создавать вожди оппозиционных и революционных партий – как в наиболее «строго-парламентарных» республиках, причем звание вождя оппозиционной партии в парламенте, хотя и самом что ни на есть реакционном, *облегчало* последующую роль такого вождя в революции.

Меньшевики и «социалисты-революционеры» в несколько недель великолепно усвоили себе все приемы и манеры, доводы и софизмы европейских героев II Интернационала, министриалистов^[8] и прочей оппортунистической швали. Все, что мы читаем теперь о Шейдеманах и Носке, Каутском и Гильфердинге, о Реннере и Аустерлице, Отто Бауэре и Фрице Адлере, о Турати и Лонге, о фабианцах и вождях Независимой рабочей партии в Англии, все это кажется нам (и на деле является) скучным повторением, перепевом знакомого и старого мотива. Все это у меньшевиков мы уже видали. История сыграла шутку и заставила оппортуни-

стов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран.

Если все герои II Интернационала потерпели банкротство, оскрамились на вопросе о значении и роли Советов и Советской власти, если особенно «ярко» оскрамились и запутались на этом вопросе вожди вышедших ныне из II Интернационала трех очень важных партий (именно: немецкой Независимой с.-д. партии^[9], французской лонгетистской и английской Независимой рабочей партии), если все они оказались рабами предрассудков мелкобуржуазной демократии (совсем в духе мелких буржуа 1848 года, звавших себя «социал-демократами»), то мы *уже* на примере меньшевиков видели *все это*. История сыграла такую шутку, что в России в 1905 году родились Советы, что их фальсифицировали в феврале – октябре 1917 года меньшевики, обанкротившиеся вследствие неумения понять их роль и значение, и что теперь *во всем мире* родилась идея Советской власти, с невиданной быстротой распространяющаяся среди пролетариата всех стран, причем старые герои II Интернационала *повсюду* так же банкротятся благодаря их неумению понять роль и значение Советов, как наши меньшевики. Опыт доказал, что в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно предстоит проделать то, что проделала Россия.

Свою победоносную борьбу против парламентарной (фактически) буржуазной республики и против меньшевиков

большевики начали очень осторожно и готовили вовсе не просто – вопреки тем взглядам, которые нередко встречаются теперь в Европе и Америке. Мы *не* призывали в начале указанного периода к свержению правительства, а разъясняли невозможность его свержения *без* предварительных изменений в составе и настроении Советов. Мы не провозглашали бойкота буржуазного парламента, учредилки, а говорили – с Апрельской (1917) конференции нашей партии^[10] говорили официально от имени партии, что буржуазная республика с учредилкой лучше такой же республики без учредилки, а «рабоче-крестьянская», советская, республика лучше всякой буржуазно-демократической, парламентарной, республики. Без такой осторожной, обстоятельной, осмотрительной и длительной подготовки мы не могли бы ни одержать победы в октябре 1917 года, ни удержать этой победы.

IV. В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, окреп и закалился большевизм?

Во-первых и главным образом в борьбе против оппортунизма, который в 1914 году окончательно перерос в социал-шовинизм, окончательно перешел на сторону буржуазии против пролетариата. Это был, естественно, главный враг большевизма внутри рабочего движения. Этот враг и остае-

ся главным в международном масштабе. Этому врагу большевизм уделял и уделяет больше всего внимания. Эта сторона деятельности большевиков теперь уже довольно хорошо известна и за границей.

Иное приходится сказать о другом враге большевизма внутри рабочего движения. За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы. Теоретически для марксистов вполне установлено, – и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, – что мелкий собственник, мелкий хозяйчик (социальный тип, во многих европейских странах имеющий очень широкое, массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа, это – социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже в «бешеное» увле-

чение тем или иным буржуазным «модным» течением, — все это общеизвестно. Но теоретическое, абстрактное, признание этих истин несколько еще не избавляет революционные партии от старых ошибок, которые выступают всегда по неожиданному поводу, в немножко новой форме, в невиданном раньше облачении или окружении, в оригинальной — более или менее оригинальной — обстановке.

Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга. И если в России, несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма. Говорю: «отчасти», ибо еще более важную роль в деле ослабления анархизма в России сыграло то, что он имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса.

Большевизм воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имела всегда у ре-

волюционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900–1903 годах, когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России. Большевизм воспринял и продолжал борьбу с партией, всего более выражавшей тенденции мелкобуржуазной революционности, именно с партией «социалистов-революционеров», по трем главным пунктам. Во-первых, эта партия, отрицавшая марксизм, упорно не хотела (вернее, пожалуй, будет сказать: не могла) понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых, эта партия видела свою особую «революционность» или «левизну» в признании ею индивидуального террора, покушений, что мы, марксисты, решительно отвергали. Разумеется, мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности, а людей, которые способны были бы «принципиально» осуждать террор великой французской революции или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900–1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию. В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы хихикать над небольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии наряду с подражанием крайним оппортунистам этой же партии в вопросе, например, аграрном или в вопросе о дик-

татуре пролетариата. История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном, всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что *революционная* немецкая социал-демократия (заметьте, что еще Плеханов в 1900–1903 годах требовал исключения Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 году разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина^[11]), – что революционная немецкая социал-демократия *ближе всего* была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить. Теперь, в 1920 году, после всех позорных крахов и кризисов эпохи войны и первых лет после войны, видно ясно, что из всех западных партий именно немецкая революционная социал-демократия дала лучших вождей, а также оправилась, вылечилась, окрепла вновь раньше других. Это видно и на партии спартаковцев^[12] и на левом, пролетарском крыле «Независимой с.-д. партии Германии», которое ведет неуклонную борьбу с оппортунизмом и бесхарактерностью Каутских, Гильфердингов, Ледебуров, Криспинов. Если бросить теперь общий взгляд на вполне законченный исторический период, именно: от Парижской Коммуны до первой Социалистической Советской Республики, то совершенно определенный и бесспорный абрис принимает вообще отношение марксизма к анархизму. Марксизм оказался правым в конце концов, и если анархисты справедливо указывали на оппортунистичность господствующих среди большинства

социалистических партий взглядов на государство, то, во-первых, эта оппортунистичность была связана с искажением и даже прямым сокрытием взглядов Маркса на государство (в своей книге «Государство и революция» я отметил, что Бебель 36 лет, с 1875 до 1911, держал под спудом письмо Энгельса^[13], особенно рельефно, резко, прямо, ясно разоблачившее оппортунизм ходячих социал-демократических воззрений на государство²); во-вторых, исправление этих оппортунистических взглядов, признание Советской власти и ее превосходства над буржуазной парламентарной демократией, все это шло наиболее быстро и широко именно из недр наиболее марксистских течений в среде европейских и американских социалистических партий.

В двух случаях борьба большевизма с уклонами «влево» его собственной партии приняла особенно большие размеры: в 1908 году из-за вопроса об участии в реакционнейшем «парламенте» и в обставленных реакционнейшими законами легальных рабочих обществах и в 1918 году (Брестский мир^[14]) из-за вопроса о допустимости того или иного «компромисса».

В 1908 году «левые» большевики были исключены из нашей партии за упорное нежелание понять необходимость участия в реакционнейшем «парламенте»^[15]. «Левые» – из числа которых было много превосходных революционеров, которые впоследствии с честью были (и продолжают быть)

² См. Сочинения, 5 изд., том 33, стр. 64–67. *Ред.*

членами коммунистической партии – опирались особенно на удачный опыт с бойкотом в 1905 году. Когда царь в августе 1905 года объявил созыв совещательного «парламента»^[16], большевики объявили бойкот его – против всех оппозиционных партий и против меньшевиков, – и октябрьская революция 1905 года^[17] действительно смела его. Тогда бойкот оказался правильным не потому, что правильно вообще неучастие в реакционных парламентах, а потому, что верно было учтено объективное положение, ведущее к быстрому превращению массовых стачек в политическую, затем в революционную стачку и затем в восстание. Притом борьба шла тогда из-за того, оставить ли в руках царя созыв первого представительного учреждения или попытаться вырвать этот созыв из рук старой власти. Поскольку не было и не могло быть уверенности в наличии аналогичного объективного положения, а равно в одинаковом направлении и темпе его развития, постольку бойкот переставал быть правильным. Большевистский бойкот «парламента» в 1905 году обогатил революционный пролетариат чрезвычайно ценным политическим опытом, показав, что при сочетании легальных и нелегальных, парламентских и внепарламентских форм борьбы иногда полезно и даже обязательно уметь отказаться от парламентских. Но слепое, подражательное, некритическое перенесение этого опыта на *иные* условия, в *иную* обстановку является величайшей ошибкой. Ошибкой, хотя

и небольшой, легко поправимой³, был уже бойкот большевиками «Думы» в 1906 году. Ошибкой серьезнейшей и трудно поправимой был бойкот в 1907, 1908 и следующих годах, когда, с одной стороны, нельзя было ждать очень быстрого подъема революционной волны и перехода ее в восстание, и когда, с другой стороны, необходимость сочетания легальной и нелегальной работы вытекала из всей исторической обстановки обновляемой буржуазной монархии. Теперь, когда глядишь назад на вполне законченный исторический период, связь которого с последующими периодами вполне уже обнаружилась, – становится особенно ясным, что большевики *не могли бы* удержать (не говорю уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908–1914 годах, если бы они не отстояли в самой суровой борьбе *обязательности* соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с *обязательным* участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.).

В 1918 году дело не дошло до раскола. «Левые» коммунисты образовали тогда только особую группу или «фракцию» внутри нашей партии и притом не надолго. В том же 1918 году виднейшие представители «левого коммунизма», напри-

³ К политике и партиям применимо – с соответственными изменениями – то, что относится к отдельным людям. Умен не тот, кто не делает ошибок. Таких людей нет и быть не может, Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их.

мер тт. Радек и Бухарин, открыто признали свою ошибку. Им казалось, что Брестский мир был недопустимым принципиально и вредным для партии революционного пролетариата компромиссом с империалистами. Это был действительно компромисс с империалистами, но как раз такой и в такой обстановке, который был *обязателен*.

В настоящее время, когда я слышу нападки на нашу тактику при подписании Брестского мира со стороны, например «социалистов-революционеров», или когда я слышу замечание товарища Ленсбери, сделанное им в разговоре со мной: «наши английские вожди тред-юнионов говорят, что компромиссы допустимы и для них, если они были допустимы для большевизма», я отвечаю обыкновенно прежде всего простым и «популярным» сравнением:

Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. «Do ut des» («даю» тебе деньги, оружие, автомобиль, «чтобы ты дал» мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс «принципиально недопустимым» или объявил лицо, заключившее такой компромисс, соучастником бандитов (хотя бандиты, сев на автомобиль, могли использовать его и оружие для новых разбоев). Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен

такому компромиссу.

А вот когда меньшевики и эсеры в России, шейдемановцы (и в значительной мере каутскианцы) в Германии, Отто Бауэр и Фридрих Адлер (не говоря уже о гг. Реннерах и К^о) в Австрии, Ренодели и Лонге с К^о во Франции, фабианцы, «независимцы» и «трудовики» («лабуристы»^[18]) в Англии заключали в 1914–1918 и в 1918–1920 годах *компромиссы* с бандитами своей собственной, а иногда и «союзной» буржуазии *против* революционного пролетариата своей страны, вот тогда все эти господа поступали как *соучастники бандитизма*.

Вывод ясен: отрицать компромиссы «принципиально», отрицать всякую допустимость компромиссов вообще, каких бы то ни было, есть ребячество, которое трудно даже взять всерьез. Политик, желающий быть полезным революционному пролетариату, должен уметь выделить *конкретные* случаи именно таких компромиссов, которые недопустимы, в которых выражается оппортунизм и *предательство*, и направить всю силу критики, все острое беспощадного разоблачения и непримиримой войны против *этих конкретных* компромиссов, не позволяя многоопытным «деляческим» социалистам и парламентским иезуитам увертываться и увиливать от ответственности посредством рассуждений о «компромиссах вообще». Господа английские «вожди» тред-юнионов, а равно фабианского общества и «независимой» рабочей партии именно так увертываются от ответственности за *совершенное ими предательство*, за со-

вершенный ими *такой* компромисс, который действительно означает наихудший оппортунизм, измену и предательство.

Есть компромиссы и компромиссы. Надо уметь анализировать обстановку и конкретные условия каждого компромисса или каждой разновидности компромиссов. Надо учиться отличать человека, который дал бандитам деньги и оружие, чтобы уменьшить приносимое бандитами зло и облегчить дело поимки и расстрела бандитов, от человека, который дает бандитам деньги и оружие, чтобы участвовать в дележе бандитской добычи. В политике это далеко не всегда так легко, как в детски-простом примерчике. Но тот, кто захотел бы выдумать для рабочих такой рецепт, который бы давал заранее готовые решения на все случаи жизни или который обещал бы, что в политике революционного пролетариата не будет никаких трудностей и никаких запутанных положений, тот был бы просто шарлатаном.

Чтобы не оставлять места кривотолкам, попытаюсь наметить, хотя бы совсем кратко, несколько основных положений для анализа конкретных компромиссов.

Партия, заключившая компромисс с германскими империалистами, который состоял в подписании Брестского мира, вырабатывала свой интернационализм на деле с конца 1914 года. Она не боялась провозгласить поражение царской монархии и клеймить «защиту отечества» в войне между двумя империалистскими хищниками. Депутаты-парламентарии этой партии пошли в Сибирь, вместо дорожки,

ведущей к министерским портфелям в буржуазном правительстве. Революция, свергшая царизм и создавшая демократическую республику, дала новую и величайшую проверку этой партии: она не пошла ни на какие соглашения со «своими» империалистами, а подготовила свержение их и свергла их. Взяв политическую власть, эта партия не оставила камня на камне ни из помещичьей, ни из капиталистической собственности. Опубликовав и расторгнув тайные договоры империалистов, эта партия предложила мир *всем* народам и подчинилась насилию брестских хищников лишь после того, как англо-французские империалисты мир сорвали, а большевиками было сделано все человечески возможное для ускорения революции в Германии и в иных странах. Полнейшая правильность такого компромисса, заключенного такой партией при такой обстановке, с каждым днем становится яснее и очевиднее для всех.

Меньшевики и эсеры в России (как и все вожди II Интернационала во всем мире в 1914–1920 годах) начали с предательства, оправдывая прямо или косвенно «защиту отечества», т. е. защиту *своей* грабительской буржуазии. Они продолжили предательство, вступая в коалицию с буржуазией *своей* страны и борясь вместе со *своей* буржуазией против революционного пролетариата своей страны. Их блок сначала с Керенским и кадетами, потом с Колчаком и Деникиным в России, как и блок их заграничных единомышленников с буржуазией *их* стран, был переходом на сторону буржуазии

против пролетариата. Их компромисс с бандитами империализма состоял от начала до конца в том, что они делали себя *соучастниками* империалистского бандитизма.

V. «Левый» коммунизм в Германии. Вожди – партия – класс – масса

Германские коммунисты, о которых мы должны говорить теперь, называют себя не «левыми», а – если я не ошибаюсь – «принципиальной оппозицией»^[19]. Но что они вполне подходят под признаки «детской болезни левизны», это видно будет из дальнейшего изложения.

Стоящая на точке зрения этой оппозиции брошюрка «Раскол Коммунистической партии Германии (союза спартаковцев)», изданная «местной группой во Франкфурте на Майне», в высшей степени рельефно, точно, ясно, кратко излагает сущность взглядов этой оппозиции. Несколько цитат будет достаточно для ознакомления читателей с этой сущностью:

«Коммунистическая партия есть партия самой решительной классовой борьбы...»

«...Политически это переходное время» (между капитализмом и социализмом) «является периодом пролетарской диктатуры...»

«...Возникает вопрос: кто должен быть носителем диктатуры: *коммунистическая партия*

или пролетарский класс?.. Принципиально следует стремиться к диктатуре коммунистической партии или к диктатуре пролетарского класса?..».

(Курсив везде в цитате взят из оригинала.)

Далее «Цека» Коммунистической партии Германии обвиняется автором брошюры в том, что этот «Цека» ищет пути к коалиции с *Независимой с.-д. партией Германии*, что «*вопрос о принципиальном признании всех политических средств*» борьбы, в том числе парламентаризма, выдвинут этим «Цека» лишь для прикрытия его настоящих и главных стремлений к коалиции с независимцами. И брошюра продолжает:

«Оппозиция выбрала иной путь. Она держится того мнения, что вопрос о господстве коммунистической партии и о диктатуре партии есть лишь вопрос тактики. Во всяком случае господство коммунистической партии есть последняя форма всякого господства партии. *Принципиально* надо стремиться к диктатуре пролетарского класса. И все мероприятия партии, ее организации, ее форма борьбы, ее стратегия и тактика должны быть приурочены к этому. Сообразно этому со всей решительностью следует отвергнуть всякий компромисс с другими партиями, всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма, всякую политику лавирования и соглашательства». «Специфически пролетарские методы революционной борьбы должны быть усиленно подчеркнуты. А для включения самых

широких пролетарских кругов и слоев, которые должны выступать в революционной борьбе под руководством коммунистической партии, должны быть созданы новые организационные формы на самой широкой основе и с самыми широкими рамками. Это место сбора всех революционных элементов есть *рабочий союз*, построенный на базе фабричных организаций. В нем должны соединиться все рабочие, которые последовали лозунгу: вон из профсоюзов! Здесь формируется борющийся пролетариат в самых широких боевых рядах. Признание классовой борьбы, советской системы и диктатуры достаточно для вступления. Все дальнейшее политическое воспитание борющихся масс и политическая ориентировка в борьбе есть задача коммунистической партии, которая стоит вне рабочего союза...»

«...Две коммунистические партии стоят теперь, следовательно, друг против друга;

Одна – партия вождей, которая стремится организовать революционную борьбу и управлять ею *сверху*, идя на компромиссы и на парламентаризм, чтобы создать такие ситуации, которые позволили бы им вступить в коалиционное правительство, в руках которого находилась бы диктатура.

Другая – массовая партия, которая ожидает подъема революционной борьбы *снизу*, зная и применяя для этой борьбы лишь один ясно ведущий к цели метод, отклоняя всякие парламентарные и оппортунистические методы; этот единственный метод

есть метод безоговорочного *свержения буржуазии*, чтобы затем учредить пролетарскую классовую диктатуру для осуществления социализма...»

«...Там диктатура вождей – здесь диктатура масс! таков наш лозунг».

Таковы наиболее существенные положения, характеризующие взгляды оппозиции в немецкой коммунистической партии.

Всякий большевик, который сознательно проделал или близко наблюдал развитие большевизма с 1903 года, скажет сразу, прочитав эти рассуждения: «какой это старый, давно знакомый хлам! Какое это «левое» ребячество!».

Но присмотримся к приведенным рассуждениям поближе.

Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии *или* диктатура класса? диктатура (партия) вождей *или* диктатура (партия) масс?» – свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся *придумать* нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы; – что противопоставлять массы и классы можно, лишь противопоставляя громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства; – что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере в современных

цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина, какой-то новый волапюк? С одной стороны, по-видимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными съездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами, прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократичным» приемам выделения или образования или сохранения «групп вожаков», — люди растерялись и начали выдумывать сверхъестественный вздор. Вероятно, некоторые члены голландской коммунистической партии, которые имели несчастье родиться в маленькой стране, с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения,

люди, совсем не выдавшие смены легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бесвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слышали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно в резко сказалось в конце империалистской войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления разъясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852–1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были – прямо или косвенно – на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше

оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

Договориться по этому поводу до противоположения **вообще** диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долгой вождей») *новых вождей*, которые говорят сверхъестественную чепуху и путаницу. Таковы в Германии Лауфенберг, Вольфгейм, Хорнер, Карл Шредер, Фридрих Вендель, Карл Эрлер^{4[175]}. Попытки этого последнего

⁴ «Коммунистическая Рабочая Газета»^[175] (Гамбургская от 7. II. 1920, № 32: статья «Роспуск партии» *Карла Эрлера*): «Рабочий класс не может разрушить буржуазного государства без уничтожения буржуазной демократии, и он не может уничтожить буржуазной демократии без разрушения партий». Наиболее путанные головы из романских синдикалистов и анархистов могут получить «удовлетворение»: солидные немцы, видимо считающие себя марксистами (К. Эрлер и К. Хорнер своими статьями в названной газете особенно солидно доказывают, что они считают себя солидными марксистами, и особенно смешно говорят невероятный вздор, обнаруживая непонимание азбуки марксизма), договариваются до вещей совсем не подходящих. Одно признание марксизма еще не избавляет от ошибок. Русские это особенно хорошо знают, ибо у нас марксизм особенно часто бывал «модой».

^[175] «Коммунистическая Рабочая Газета» («Kommunistische Arbeiterzeitung») – орган анархо-синдикалистской группы немецких «левых» коммунистов (см. примечание 19). Газета издавалась в Гамбурге с 1919 по 1927

«углубить» вопрос и объявить вообще ненужность и «буржуазность» политических партий есть уже такие геркулесовы столпы нелепости, что остается только руками развести. Вот уже поистине: из маленькой ошибки всегда можно сделать чудовищно-большую, если на ошибке настаивать, если ее углубленно обосновывать, если ее «доводить до конца».

Отрицание партийности и партийной дисциплины – вот что *получилось* у оппозиции. А это равносильно полному разоружению пролетариата *в пользу буржуазии*. Это равносильно именно той мелкобуржуазной распыленности, неустойчивости, неспособности к выдержке, к объединению, к стройному действию, которая неминуемо всякое пролетарское революционное движение погубит, если дать ей потачку. Отрицать партийность с точки зрения коммунизма значит делать прыжок от кануна краха капитализма (в Германии) не к низшей и не к средней, а к высшей фазе коммунизма. Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму, или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся *годами* повсюду *после* завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики!), срок этот будет меньше. Уничтожить классы – значит не только прогнать помещиков и капиталистов – это мы сравнительно легко сде-

год. Упомянутый В. И. Лениным Карл Эрлер – литературный псевдоним Г. Лауфенберга.

ляли — это значит также *уничтожить мелких товаро-производителей*, а их **нельзя прогнать**, их нельзя подавить, с ними *надо ужиться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечения к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы *организаторскую* роль пролетариата (а это его *главная* роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют *те самые* результа-

ты, которые нужны буржуазии, которые *реставрируют* буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата.

Рядом с вопросом о вождях – партии – классе – массе следует поставить вопрос о «реакционных» профсоюзах. Но сначала я позволю себе еще пару заключительных замечаний на основании опыта нашей партии. Нападки на «диктатуру вождей» в нашей партии *были всегда*: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 году, когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами^[20]. На IX съезде нашей партии (IV. 1920)^[21] была небольшая оппозиция, тоже говорившая против «диктатуры вождей», «олигархии» и т. п. Ничего удивительного поэтому, ничего нового, ничего страшного в «детской болезни» «левого коммунизма» у немцев нет. Эта болезнь проходит безопасно, и организм после нее становится даже крепче. С другой стороны, быстрая смена легальной и нелегальной работы, связанная с необходимостью особенно «прятать», особенно конспирировать именно главный штаб, именно вождей, приводила у нас иногда к глубоко опасным явлениям. Худшим было то, что в 1912 году в ЦК большевиков вошел провокатор – Малиновский. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и уско-

рив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено соотношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедовать основы большевизма в надлежащим образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу. Над этим фактом не мешает хорошенечко подумать тем немецким (а также английским и американским, французским и итальянским) товарищам, которые стоят перед задачей научиться вести революционную работу в реакционных профсоюзах⁵.

Во многих странах, и в том числе наиболее передовых, буржуазия несомненно посылает теперь и будет посылать провокаторов в коммунистические партии. Одно из средств

⁵ Малиновский был в плену в Германии. Когда он вернулся в Россию при власти большевиков, он был тотчас предан суду и расстрелян нашими рабочими. Меньшевики особенно зло нападали на нас за нашу ошибку, состоявшую в том, что провокатор был в Цека нашей партии. Но когда мы, при Керенском, требовали ареста председателя Думы Родзянко и суда над ним, ибо Родзянко узнал еще до войны о провокаторстве Малиновского и *не сообщил* этого думским трудовикам и рабочим, то ни меньшевики, ни эсеры, участвовавшие в правительстве вместе с Керенским, не поддержали нашего требования, и Родзянко остался на свободе, свободно ушел к Деникину.

борьбы с этой опасностью – умелое сочетание нелегальной и легальной работы.

VI. Следует ли революционерам работать в реакционных профсоюзах?

Немецкие «левые» считают для себя решенным безусловно отрицательный ответ на этот вопрос. По их мнению, декламаций и гневных восклицаний против «реакционных» и «контрреволюционных» профсоюзов достаточно (особенно «солидно» и особенно глупо выходит это у К. Хорнера), чтобы «доказать» ненужность и даже непозволительность работы революционеров, коммунистов в желтых, социал-шовинистских, соглашательских, легиновских, контрреволюционных профсоюзах.

Но, как ни уверены немецкие «левые» в революционности такой тактики, на самом деле она в корне ошибочна и ничего кроме пустых фраз в себе не содержит.

Чтобы пояснить это, я начну с нашего опыта – сообразно общему плану настоящей статьи, имеющей целью применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма.

Соотношение вождей – партии – класса – масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в сле-

дующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая, по данным последнего партийного съезда (IV. 1920), 611 тысяч членов. Число членов колебалось и до Октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах^[22]. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии – только для рабочих и крестьян – в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т. е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам^[23]. Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 членов), руководит выбранный на съезде Центральный Комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узким коллегиям, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно,

самая настоящая «олигархия». Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии.

Партия непосредственно опирается в своей работе на *профессиональные союзы*, которые насчитывают теперь, по данным последнего (IV. 1920) съезда, свыше 4 миллионов членов, будучи формально *беспартийными*. Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую голову, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС – Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии. Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*. Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, *но и в военном* строительстве мы, разумеется, не смогли бы не только в течение 2¹/₂ лет, но и 2¹/₂ месяцев. Понятно, что эта теснейшая связь на практике означает очень сложную и разнообразную работу пропаганды, агитации, своевременных и частых совещаний не только с руководящими, но и вообще влиятельными

деятелями профсоюзов, решительной борьбы с меньшевиками, которые до сих пор имеют известное, хотя и совсем небольшое, число приверженцев, которых и учат всевозможным контрреволюционным проделкам, начиная от идейной защиты (*буржуазной*) демократии, от проповеди «независимости» профсоюзов (независимость — от пролетарской государственной власти!) до саботажа пролетарской дисциплины и т. д. и т. п.

Связь с «массами» через профсоюзы мы признаем недостаточной. Практика создала у нас, в ходе революции, и мы стараемся всецело поддержать, развить, расширить такое учреждение, как *беспартийные рабочие и крестьянские конференции*, чтобы следить за настроением масс, сближаться с ними, отвечать на их запросы, выдвигать из них лучших работников на государственные должности и т. д. В одном из последних декретов о преобразовании Народного комиссариата государственного контроля в «Рабоче-крестьянскую инспекцию» беспартийным конференциям этого рода предоставлено выбирать членов Государственного контроля для разного рода ревизий и т. д.

Затем, разумеется, вся работа партии идет через Советы, которые объединяют трудящиеся массы без различия профессий. Уездные съезды Советов являются таким *демократическим* учреждением, которого еще не видывали самые лучшие из демократических республик буржуазного мира, и через эти съезды (за которыми партия старается следить как

можно внимательнее), а равно и через постоянные командировки сознательных рабочих на всякие должности в деревне, осуществляется руководящая роль пролетариата по отношению к крестьянству, осуществляется диктатура городского пролетариата, систематическая борьба с богатым, буржуазным, эксплуататорским и спекулирующим крестьянством и т. д.

Таков общий механизм пролетарской государственной власти, рассмотренный «сверху», с точки зрения практики осуществления диктатуры. Читатель поймет, можно надеяться, почему русскому большевику, знакомому с этим механизмом и наблюдавшему, как вырастал этот механизм из маленьких, нелегальных, подпольных кружков в течение 25 лет, все разговоры о том, «сверху» *или* «снизу», диктатура вождей *или* диктатура массы и т. п., не могут не казаться смешным ребяческим вздором, чем-то вроде спора о том, полезнее ли человеку левая нога или правая рука.

Таким же смешным ребяческим вздором не могут не казаться нам и важные, совсем ученые и ужасно революционные разговоры немецких левых на тему о том, что коммунисты не могут и не должны работать в реакционных профсоюзах, что позволительно отказываться от этой работы, что надо выходить из профсоюзов и создавать обязательно совсем новенький, совсем чистенький, весьма милыми (и большей частью, вероятно, весьма юными) коммунистами придуманный «рабочий союз» и т. д. и т. п.

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы, переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к *начаткам* классово-

го объединения. Когда стала вырастать *высшая* форма классового объединения пролетариев — *революционная партия пролетариата* (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать *некоторые* реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем однако не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры, необходимым объединением рабочих для постепенного перехода в руки рабочего *класса* (а не отдельных профессий), и затем всех трудящихся, управления всем хозяйством страны.

Некоторая «реакционность» профсоюзов, в указанном смысле, *неизбежна* при диктатуре пролетариата. Непонимание этого есть полное непонимание основных условий *перехода* от капитализма к социализму. Бояться *этой* «реакционности», пытаться *обойтись* без нее, перепрыгнуть через нее есть величайшая глупость, ибо это значит бояться

той роли пролетарского авангарда, которая состоит в обучении, просвещении, воспитании, вовлечении в новую жизнь наиболее отсталых слоев и масс рабочего класса и крестьянства. С другой стороны, откладывать осуществление диктатуры пролетариата до тех пор, когда не останется ни одного профессионалистски узкого рабочего, ни одного рабочего, в котором не было бы цеховых и тред-юнионистских предубеждений, было бы ошибкой еще более глубокой. Искусство политика (и правильное понимание коммунистом своих задач) в том и состоит, чтобы верно учесть условия и момент, когда авангард пролетариата может успешно взять власть, когда он сумеет при этом и после этого получить достаточную поддержку достаточно широких слоев рабочего класса и непролетарских трудящихся масс, когда он сумеет после этого поддерживать, укреплять, расширять свое господство, воспитывая, обучая, привлекая все более и более широкие массы трудящихся.

Далее. В более передовых странах, чем Россия, некоторая реакционность профсоюзов сказала и должна была сказаться, несомненно, гораздо сильнее, чем у нас. У нас меньшевики имели (частью в очень немногих профсоюзах и сейчас имеют) опору в профсоюзах именно благодаря цеховой узости, профессиональному эгоизму и оппортунизму. На Западе тамошние меньшевики гораздо прочнее «засели» в профсоюзах, там выделился гораздо более сильный слой *профессионалистской, узкой, себялюбивой, черствой,*

корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии», чем у нас. Это бесспорно. Борьба с Гомперсами, господами Жуо, Гендерсонами, Мергей-мами, Легинами и К^о в Западной Европе гораздо труднее, чем борьба с нашими меньшевиками, которые представляют совершенно однородный, социальный и политический, тип. Эту борьбу надо вести беспощадно и обязательно довести ее, как довели ее мы, до полного опозорения и изгнания из профсоюзов всех неисправимых вождей оппортунизма и социал-шовинизма. Нельзя завоевать политическую власть (и не следует пробовать брать политическую власть), пока эта борьба не доведена до известной степени, причем в разных странах и при различных условиях эта «известная степень» не одинакова, и правильно учесть ее могут лишь вдумчивые, опытные и сведущие политические руководители пролетариата в каждой отдельной стране. (У нас мерилом успеха в этой борьбе явились, между прочим, выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 года, несколько дней спустя после пролетарского переворота 25. X. 1917, причем на этих выборах меньшевики были разбиты наголову, получив 0,7 млн. голосов – 1,4 млн. с добавлением Закавказья – против 9 млн. голосов, собранных большевиками: см. мою статью «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»⁶ в № 7–8 «Коммунистического Интернациона-

⁶ См. Сочинения, 5 изд., том 40, стр. 1–24. *Ред.*

ла»^[24].)

Но борьбу с «рабочей аристократией» мы ведем от имени рабочей массы и для привлечения ее на свою сторону; борьбу с оппортунистическими и социал-шовинистскими вождями мы ведем для привлечения рабочего класса на свою сторону. Забывать эту элементарнейшую и самоочевиднейшую истину было бы глупо. И именно такую глупость делают «левые» немецкие коммунисты, которые *от* реакционности и контрреволюционности *верхушки* профсоюзов умозакключают к... выходу из профсоюзов!! к отказу от работы в них!! к созданию новых, *выдуманых*, форм рабочей организации!! Это – такая непростительная глупость, которая равносильна наибольшей услуге, оказываемой коммунистами буржуазии. Ибо наши меньшевики, как и все оппортунистические, социал-шовинистские, каутскианские вожди профсоюзов, суть не что иное, как «агенты буржуазии в рабочем движении» (как говорили мы всегда против меньшевиков) или «рабочие приказчики класса капиталистов» (*labor lieutenants of the capitalist class*), по прекрасному и глубоко верному выражению последователей Даниеля Де Леоне в Америке. Не работать внутри реакционных профсоюзов, это значит оставить недостаточно развитые или отсталые рабочие массы под влиянием реакционных вождей, агентов буржуазии, рабочих аристократов или «обуржуазившихся рабочих» (ср. Энгельс в 1858 г. в письме к Марксу об английских рабочих^[25]).

Как раз нелепая «теория» неучастия коммунистов в ре-

акционных профсоюзах показывает наиболее наглядно, как легкомысленно эти «левые» коммунисты относятся к вопросу о влиянии на «массы», как злоупотребляют они своими выкриками насчет «массы». Чтобы уметь помочь «массе» и завоевать симпатии, сочувствие, поддержку «массы», надо не бояться трудностей, не бояться придинок, подножек, оскорблений, преследований со стороны «вождей» (которые, будучи оппортунистами и социал-шовинистами, в большинстве случаев прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией) и обязательно *работать там, где есть масса*. Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса. А профсоюзы и рабочие кооперативы (эти последние иногда, по крайней мере) – это именно такие организации, где есть масса. В Англии, по данным шведской газеты «Folkets Dagblad Politiken»^[26] (от 10. III. 1920), число членов тред-юнионов с конца 1917 года до конца 1918 поднялось с 5,5 млн. до 6,6 млн., т. е. увеличилось на 19 %. К концу 1919 года считают до 7¹/₂ млн. У меня нет под рукой соответствующих данных о Франции и Германии, но совершенно бесспорны и общеизвестны факты, свидетельствующие о большом росте числа членов профсоюзов и в этих странах.

Эти факты яснее ясного говорят о том, что подтверждается также тысячами иных указаний: рост сознательности и стремления к организации именно в пролетарских массах, в «низах», среди отсталых. Миллионы рабочих в Англии, Франции, Германии *впервые* переходят от полной неорганизованности к элементарной, низшей, простейшей, наиболее доступной (для тех, кто еще насквозь пропитан буржуазно-демократическими предрассудками) форме организации, именно к профсоюзам, – а революционные, но неразумные, левые коммунисты стоят рядом, кричат «масса», «масса»! – и *отказываются работать внутри профсоюзов!!* отказываются под предлогом их «реакционности»!! выдумывают новенький, чистенький, неповинный в буржуазно-демократических предрассудках, негрешный цеховыми и узкопрофессионалистскими грехами «рабочий союз», который будто бы будет (будет!) широким и для участия в котором требуется только (только!) «признание советской системы и диктатуры» (смотри цитату выше)!!

Большого неразумия, большого вреда для революции, приносимого «левыми» революционерами, нельзя себе и представить! Да если бы мы сейчас в России, после 2¹/₂ лет невиданных побед над буржуазией России и Антанты, поставили для профсоюзов условием вступления «признание диктатуры», мы бы сделали глупость, испортили бы свое влияние на массы, помогли меньшевикам. Ибо вся задача коммунистов – уметь *убедить* отсталых, уметь работать *среди* них,

а не *отгораживаться* от них выдуманнными ребячески-«левыми» лозунгами.

Нет сомнения, господа Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины очень благодарны таким «левым» революционерам, которые, подобно немецкой «принципиальной» оппозиции (упаси нас боже от этакой «принципиальности»!) или некоторым революционерам из числа американских «Промышленных рабочих мира»^[27], проповедуют выход из реакционных профсоюзов и отказ от работы в них. Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, судов, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, травить, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всякие жертвы, даже – в случае надобности – пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу. При царизме до 1905 года у нас не было никаких «легальных возможностей», но когда Зубатов, охранник, устраивал черносотенные рабочие собрания и рабочие общества для ловли революционеров и для борьбы с ними, мы посылали на эти собрания и в эти общества членов нашей партии (я лично помню из числа их тов. Бабушкина, выдающегося питер-

ского рабочего, расстрелянного царскими генералами в 1906 году), которые устанавливали связь с массой, изловчались вести свою агитацию и вырывали рабочих из-под влияния зубатовцев⁷. Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически.

Исполком III Интернационала должен, на мой лично взгляд, прямо осудить и предложить следующему съезду Коммунистического Интернационала осудить как вообще политику неучастия в реакционных профсоюзах (с подробной мотивировкой неразумности такого неучастия и крайней вредности его для дела пролетарской революции), так и в частности линию поведения некоторых членов голландской коммунистической партии, которые – все равно, прямо или косвенно, открыто или прикрито, целиком или отчасти – эту неправильную политику поддерживали. III Интернационал должен порвать с тактикой II и больных вопросов не обходить, не затушевывать, а ставить их ребром. Всю правду в лицо сказали «независимцам» (Независимой с.-д. партии Германии)⁸, всю правду в лицо надо сказать и «левым» ком-

⁷ Гомперсы, Гендерсоны, Жуо, Легины – не что иное как Зубатовы, отличающиеся от нашего Зубатова европейским костюмом, лоском, цивилизованно, утонченно, демократически прилизанными приемами проведения их подлой политики.

⁸ См. Сочинения, 5 изд., том 40, стр. 54–61. *Ред.*

мунистам.

VII Участвовать ли в буржуазных парламентах?

Немецкие «левые» коммунисты с величайшим пренебрежением – и с величайшим легкомыслием – отвечают на этот вопрос отрицательно. Их доводы? В приведенной выше цитате мы видели:

«...со всей решительностью отклонить всякое возвращение к исторически и политически изжитым формам борьбы парламентаризма...».

Это сказано претенциозно до смешного и явно неверно. «Возвращение» к парламентаризму! Может быть, в Германии уже существует советская республика? Как будто бы нет! Как же можно говорить тогда о «возвращении»? Разве это не пустая фраза?

«Исторически изжит» парламентаризм. Это верно в смысле пропаганды. Но всякий знает, что от этого до *практического* преодоления еще очень далеко. Капитализм уже много десятилетий тому назад можно было, и с полным правом, объявить «исторически изжитым», но это нисколько не устраняет необходимости очень долгой и очень упорной борьбы *на почве* капитализма. «Исторически изжит» парламентаризм в смысле *всемирно-историческом*, т. е. эпоха буржуазного парламентаризма кончена, эпоха диктатуры про-

летариата *началась*. Это бесспорно. Но всемирно-исторический масштаб считает десятилетиями. На 10–20 лет раньше или позже, это с точки зрения всемирно-исторического масштаба безразлично, это – с точки зрения всемирной истории – мелочь, которую нельзя даже приблизительно учесть. Но именно поэтому в вопросе практической политики ссылаться на всемирно-исторический масштаб есть теоретическая неверность самая вопиющая.

«Политически изжит» парламентаризм? Вот это другое дело. Если бы это было верно, позиция у «левых» была бы прочная. Но это надо доказать серьезнейшим анализом, а «левые» не умеют даже и подступиться к нему. В «тезисах о парламентаризме», напечатанных в № 1 «Бюллетеня Временного Амстердамского Бюро Коммунистического Интернационала» («Bulletin of the Provisional Bureau in Amsterdam of the Communist International», February 1920) и явно выражающих голландски-левое или лево-голландское устремление, анализ тоже, как увидим, из рук вон плох.

Во-первых. Немецкие «левые», как известно, еще в январе 1919 года считали парламентаризм «политически изжитым», вопреки мнению таких выдающихся политических руководителей, как Роза Люксембург и Карл Либкнехт. Известно, что «левые» ошиблись. Одно уже это сразу и в корень разрушает положение, будто парламентаризм «политически изжит». На «левых» падает обязанность доказать, почему их тогдашняя бесспорная ошибка теперь перестала быть ошиб-

кой. Ни тени доказательства они не приводят и привести не могут. Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности партии и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку – вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это – воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*. Не выполняя этой своей обязанности, не относясь с чрезвычайным вниманием, тщательностью, осторожностью к изучению своей явной ошибки, «левые» в Германии (и в Голландии) как раз этим доказывают, что они не *партия класса*, а кружок, не *партия масс*, а группа интеллигентов и повторяющих худшие стороны интеллигентщины немногочисленных рабочих.

Во-вторых. В той же брошюре франкфуртской группы «левых», из которой мы привели подробные цитаты выше, мы читаем:

«...миллионы рабочих, идущих еще за политикой центра» (католической партии «центра»), «контрреволюционны. Сельские пролетарии выставляют легионы контрреволюционных войск» (стр. 3 вышеназванной брошюры).

По всему видно, что это сказано чересчур размахисто и преувеличено. Но основной факт, изложенный здесь, бес-

спорен, и признание его «левыми» особенно наглядно свидетельствует об их ошибке. Как же это можно говорить, будто «парламентаризм изжит политически», если «миллионы» и «легионы» *пролетариев* стоят еще не только за парламентаризм вообще, но и прямо «контрреволюционны»!? Явно, что парламентаризм в Германии *еще не* изжит политически. Явно, что «левые» в Германии приняли *свое пожелание*, свое идейно-политическое отношение за объективную действительность. Это – самая опасная ошибка для революционеров. В России, где сугубо дикий и свирепый гнет царизма особенно долго и в особенно разнообразных формах порождал революционеров разных толков, революционеров удивительной преданности, энтузиазма, героизма, силы воли, в России эту ошибку революционеров мы особенно близко наблюдали, особенно внимательно изучали, особенно хорошо знаем и потому нам она особенно ясно видна и на других. Для коммунистов в Германии парламентаризм, конечно, «изжит политически», но дело как раз в том, чтобы *не* принять изжитого *для нас* за изжитое *для класса*, за изжитое *для масс*. Как раз тут мы опять видим, что «левые» не умеют рассуждать, не умеют вести себя как партия *класса*, как партия *масс*. Вы обязаны не опускаться до уровня масс, до уровня отсталых слоев класса. Это бесспорно. Вы обязаны говорить им горькую правду. Вы обязаны называть их буржуазно-демократические и парламентарные предрассудки предрассудками. Но вместе с тем вы обязаны *трезво* сле-

дить за *действительным* состоянием сознательности и подготовленности именно всего класса (а не только его коммунистического авангарда), именно всей трудящейся *массы* (а не только ее передовых людей).

Если не только «миллионы» и «легионы», но хотя бы просто довольно значительное *меньшинство* промышленных рабочих идет за католическими попами, – сельских рабочих за помещиками и кулаками (Grossbauern), – то отсюда уже *с несомненностью* вытекает, что парламентаризм в Германии *еще не* изжит политически, что участие в парламентских выборах и в борьбе на парламентской трибуне *обязательно* для партии революционного пролетариата *именно* в целях воспитания отсталых слоев *своего класса*, *именно* в целях пробуждения и просвещения неразвитой, забитой, темной деревенской *массы*. Пока вы не в силах разогнать буржуазного парламента и каких угодно реакционных учреждений иного типа, вы *обязаны* работать внутри них *именно* потому, что там есть еще рабочие, одураченные попами и деревенскими захолустьями, иначе вы рискуете стать просто болтунами.

В-третьих. «Левые» коммунисты очень много хорошего говорят про нас, большевиков. Иногда хочется сказать: поменьше бы нас хвалили, побольше бы вникали в тактику большевиков, побольше бы знакомились с ней! Мы участвовали в выборах в российский буржуазный парламент, в Учредительное собрание, в сентябре – ноябре 1917 года. Вер-

на была наша тактика или нет? Если нет, надо ясно сказать и доказать это: это необходимо для выработки правильной тактики международным коммунизмом. Если да, надо сделать отсюда известные выводы. Разумеется, о приравнивании условий России к условиям Западной Европы не может быть и речи. Но по вопросу специально о том, что значит понятие: «парламентаризм политически изжит», обязательно точно учесть наш опыт, ибо без учета конкретного опыта подобные понятия слишком легко превращаются в пустые фразы. Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре – ноябре 1917 года, *больше*, чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели, ибо не в том ведь дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты, а в том, насколько *готовы* (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать (или допустить разгон) буржуазно-демократический парламент. Что в России в сентябре – ноябре 1917 года рабочий класс городов, солдаты и крестьяне были, в силу ряда специальных условий, на редкость подготовлены к принятию советского строя и к разгону самого демократического буржуазного парламента, это совершенно бесспорный и вполне установленный исторический факт. И тем не менее большевики *не* бойкотировали Учредительного собрания, а участвовали в выборах и до *и после* завоевания пролетариатом политической власти. Что эти выборы дали чрезвычай-

но ценные (и для пролетариата в высокой степени полезные) политические результаты, это я, смею надеяться, доказал в названной выше статье, подробно разобравшей данные о выборах в Учредительное собрание в России⁹.

Вывод отсюда совершенно бесспорный: доказано, что даже за несколько недель до победы Советской республики, даже *после* такой победы, участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает ему возможность *доказать* отсталым массам, почему такие парламенты заслуживают разгона, *облегчает* успех их разгона, *облегчает* «политическое изживание» буржуазного парламентаризма. Не считаться с этим опытом и претендовать в то же время на принадлежность к Коммунистическому *Интернационалу*, который должен *интернационально* вырабатывать свою тактику (не как узко или односторонне национальную, а именно как интернациональную тактику), значит делать глубочайшую ошибку и как раз отступать от интернационализма на деле, при признании его на словах.

⁹ См. Сочинения, 5 изд., том 40, стр. 1–24. *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Книга «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» была написана В. И. Лениным к открытию II конгресса Коммунистического Интернационала и вручена всем делегатам конгресса. Книга должна была помочь молодым коммунистическим партиям найти правильный путь революционной борьбы, исправить ошибки их первых шагов, ознакомить коммунистов всех стран с богатейшим опытом большевиков, с их стратегией и тактикой, чтобы вооружить этим опытом братские партии. Важнейшие положения и выводы книги «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» легли в основу решений II конгресса Коминтерна.

2.

«Искра» (старая) – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России. Первый номер ленинской «Искры», датированный декабрем 1900 года, вышел в Лейпциге; последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года – в Лондоне и с весны 1903 года – в Женеве. По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и

подготовила II съезд РСДРП, на котором было фактически положено начало революционной марксистской партии в России.

3.

Речь идет о меньшевиках, которые в РСДРП представляли правое, оппортунистическое крыло социал-демократии, и о партии «социалистов-революционеров» (эсеры).

4.

Речь идет о большевиках-депутатах IV Государственной думы – А. Е. Бадаеве, М. К. Муранове, Г. И. Петровском, Ф. Н. Самойлове и Н. Р. Шагове. На заседании Думы 26 июля (8 августа) 1914 года, на котором представители всех буржуазно-помещичьих фракций одобрили вступление царской России в империалистическую войну, большевистская фракция заявила свой решительный протест; она отказалась вотировать военные кредиты и повела революционную пропаганду в массах. В ноябре 1914 года большевики-депутаты были арестованы, а в феврале 1915 года преданы суду и сосланы на пожизненное поселение в Туруханский край (Восточная Сибирь). Мужественные выступления членов большевистской фракции на суде, разоблачавшие самодержавие, сыграли большую роль в антимилитаристской пропаганде, в революционизировании

сознания трудящихся масс.

5.

Лонгетизм – центристское течение внутри Французской социалистической партии, возглавлявшееся Жаном Лонге. Во время мировой империалистической войны 1914–1918 гг. лонгетисты проводили соглашательскую политику по отношению к социал-шовинистам; они отвергали революционную борьбу и стояли на позициях «защиты отечества» в империалистической войне. Ленин называл лонгетистов мелкобуржуазными националистами. После победы Октябрьской социалистической революции лонгетисты на словах объявили себя сторонниками диктатуры пролетариата, а на деле оставались ее противниками. В декабре 1920 года лонгетисты вместе с открытыми реформистами откололись от партии и примкнули к так называемому 21/2 Интернационалу.

6.

Независимая рабочая партия Англии (Independent Labour Party – I. L. P.) – реформистская организация, основанная руководителями «новых тред-юнионов» в 1893 году в условиях оживления стачечной борьбы и усиления движения за независимость рабочего класса Англии от буржуазных партий. В НРП вошли члены «новых тред-юнионов» и ряда старых профсоюзов, представители интеллигенции и

мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев, Во главе партии стояли К. Гарди и Р. Макдональд. НРП с момента своего возникновения заняла буржуазно-реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентской форме борьбы и парламентским сделкам с либеральной партией. Характеризуя Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия» (Сочинения, 5 изд., том 39, стр. 90).

7.

Фабианцы – члены Фабианского общества – английской реформистской организации, основанной в 1884 году; свое название общество получило по имени римского полководца III века до н. э. Фабия Максима, прозванного «Кунктатором» («Медлителем») за его выжидательную тактику, уклонение от решительных боев в войне с Ганнибалом. Членами Фабианского общества были преимущественно представители буржуазной интеллигенции – ученые, писатели, политические деятели (С. и Б. Вебб, Р. Макдональд, Б. Шоу и др.); они отрицали необходимость классовой борьбы пролетариата и социалистической революции и утверждали, что переход от капитализма к социализму возможен только путем мелких реформ, постепенных преобразований общества. В 1900 году Фабианское общество вошло в лейбористскую партию.

«Фабианский социализм» служит одним из источников идеологии лейбористов.

8.

«Министерализм» (или «министерский социализм», тоже «миллеранизм») – оппортунистическая тактика участия социалистов в реакционных буржуазных правительствах. Термин возник в связи с вступлением в 1899 году французского социалиста Миллерана в состав буржуазного правительства Вальдека-Руссо.

9.

Независимая с.-д. партия Германии – центристская партия, созданная в апреле 1917 года на Учредительном съезде в Готе. «Независимцы» проповедовали «единство» с социал-шовинистами, скатывались к отказу от классовой борьбы. Основную часть партии составила каутскианская организация «Трудовое содружество». В октябре 1920 года на съезде Независимой социал-демократической партии в Галле произошел раскол. Значительная часть ее в декабре 1920 года объединилась с Коммунистической партией Германии. Правые элементы образовали отдельную партию и приняли старое название – Независимая социал-демократическая партия Германии; партия просуществовала до 1922 года.

10.

См. резолюции VII Всероссийской конференции РСДРП(б) «Об отношении к Временному правительству» и «О Советах рабочих и солдатских депутатов» («Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 года, Протоколы». М., 1958, стр. 244–245, 259–260).

11.

По-видимому, имеется в виду опубликованная в апреле 1914 года в большевистском журнале «Просвещение» статья В. И. Ленина «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (см. Сочинения, 5 изд., том 25, стр. 106–110), в которой разоблачалось предательское поведение германского социал-демократа К. Легина, выступившего в 1912 году, во время поездки в Америку, в конгрессе США с приветственной речью в адрес официальных кругов и буржуазных партий.

12.

Спартакосцы – члены революционной организации германских левых социал-демократов, образованной в начале мировой империалистической войны К. Либкнехтом, Р. Люксембург, Ф. Мерингом, К. Цеткин, Ю. Мархлевским, Л. Йогихесом (Тышка) и В. Пиком. Спартакосцы вели революционную пропаганду в массах, организовывали

массовые антивоенные выступления, руководили стачками, разоблачали империалистический характер мировой войны и предательство оппортунистических лидеров социал-демократии. Однако в некоторых важнейших вопросах теории и политики спартаковцы допускали серьезные ошибки. Ленин неоднократно критиковал ошибки германских левых социал-демократов, помогая им занять правильную позицию (см., например, работы «О брошюре Юниуса», «Военная программа пролетарской революции», Сочинения, 5 изд., том 30, стр. 1–16, 131–143).

13.

Речь идет о письме Ф. Энгельса А. Бебелю от 18–28 марта 1875 года (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 19, стр. 1–8).

14.

Брестский мир – мирный договор между Советской Россией и державами Четверного союза (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Турция), подписанный 3 марта 1918 года в Брест-Литовске и 15 марта ратифицированный IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов. Условия мира были крайне тяжелыми для Советской России. Согласно договору под контроль Германии и Австро-Венгрии должны были отойти Польша, почти вся Прибалтика, часть Белоруссии. Украина отделялась от Советской России и превращалась

в зависимое от Германии государство. К Турции отходили города Каре, Батум и Ардаган. В августе 1918 года Германия навязала Советской России дополнительный договор и финансовое соглашение, в которых выдвигались новые грабительские требования.

15.

Речь идет об отзовистах и ультиматистах, борьба с которыми развернулась в 1908 году и привела в 1909 году к исключению лидера отзовистов А. Богданова из рядов большевиков. Отзовисты, прикрываясь революционными фразами, требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях – профсоюзах, кооперативах и др. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Не понимая необходимости вести настойчивую, кропотливую работу с депутатами социал-демократами, воспитывать их последовательными революционными парламентариями, ультиматисты предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении решениям ЦК партии, а в случае невыполнения отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Совещание расширенной редакции большевистской газеты «Пролетарий» в июне 1909 года в своем решении указало, что «большевизм, как определенное

течение в РСДРП, ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом» и призывало большевиков «вести самую решительную борьбу с этими уклонами от пути революционного марксизма» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 221).

16.

6 (19) августа 1905 года были опубликованы царский манифест – закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в нее. Дума получила название булыгинской по имени министра внутренних дел А. Г. Булыгина, которому царь поручил составить проект Думы. По проекту Дума не имела права принимать никаких законов, а могла лишь обсуждать некоторые вопросы в качестве совещательного органа при царе. Большевики призывали рабочих и крестьян к активному бойкоту булыгинской Думы, сосредоточив всю агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Кампания бойкота булыгинской Думы была использована большевиками для мобилизации всех революционных сил, для проведения массовых политических стачек и подготовки вооруженного восстания, Выборы в булыгинскую Думу не производились, и правительству не удалось созвать ее; нараставший подъем

революции и Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 года смели Думу.

17.

Имеется в виду Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 года во время первой русской революции. Число участников Октябрьской всеобщей стачки превысило два миллиона. Октябрьская стачка проходила под лозунгами свержения самодержавия, активного бойкота булыгинской Думы, созыва учредительного собрания и установления демократической республики. Всероссийская политическая стачка показала силу и мощь рабочего движения, дала толчок к разворачиванию революционной борьбы в деревне, армии и флоте. Октябрьская стачка подвела пролетариат к декабрьскому вооруженному восстанию. Об Октябрьской стачке см. статью В. И. Ленина «Всероссийская политическая стачка» (Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 1–4).

18.

«Лабуристы» (лейбористы) – члены Рабочей партии Англии (Labour Party), основанной в 1900 году как объединение профсоюзов – тред-юнионов, социалистических организаций и групп в целях проведения рабочих представителей в парламент («Комитет рабочего представительства»). В 1906 году Комитет переименовался в Рабочую (лейбористскую) партию. Члены тред-юнионов

автоматически являются членами партии при условии уплаты партийных взносов. К лейбористской партии тесно примыкают Кооперативная партия, входящая в нее на правах коллективного члена, и Независимая рабочая партия. Во главе лейбористской партии стоит Исполком, составляющий совместно с Генеральным советом тред-юнионов и Исполкомом Кооперативной партии так называемый Национальный совет труда. Лейбористская партия, сложившаяся первоначально как рабочая партия по составу (в дальнейшем в нее вошло значительное количество мелкобуржуазных элементов), является по своей идеологии и тактике оппортунистической организацией. С момента возникновения партии ее лидеры проводят политику классового сотрудничества с буржуазией. Во время мировой империалистической войны (1914–1918) лидеры лейбористской партии (А. Гендерсон и др.), занимая социал-шовинистическую позицию, вошли в королевское правительство; при их активной поддержке был принят ряд законов, направленных против рабочих (о милитаризации страны и т. п.). В 1924, 1929–1931, 1945–1951 годах лейбористские лидеры возглавляли правительство.

19.

«Принципиальная оппозиция» – группа немецких «левых» коммунистов, проповедовавших анархо-синдикалистские взгляды. II съезд Коммунистической партии Германии,

состоявшийся в октябре 1919 года в Гейдельберге, исключил из партии оппозицию; последняя в апреле 1920 года образовала так называемую Коммунистическую рабочую партию Германии (КРПГ). В ноябре 1920 года для того, чтобы облегчить объединение всех коммунистических сил Германии и пойти навстречу лучшим пролетарским элементам КРПГ, оппозиция временно была принята в Коминтерн на правах сочувствующего члена. Однако единственной полномочной секцией Исполком Коминтерна считал Объединенную коммунистическую партию Германии. При приеме в Коминтерн представителям КРПГ было поставлено условие – слиться с Объединенной коммунистической партией Германии и поддерживать ее во всех действиях. Но руководство КРПГ не последовало указаниям Исполкома Коминтерна. III конгресс Коминтерна (июнь – июль 1921), борясь за рабочих, шедших еще за КРПГ, постановил дать КРПГ двухмесячный срок, в течение которого она должна была созвать съезд и решить вопрос об объединении. Руководство КРПГ не выполнило решения III конгресса, и таким образом КРПГ оказалась вне Коммунистического Интернационала. Впоследствии КРПГ выродилась в ничтожную, не имевшую опоры в рабочем классе сектантскую группку.

20.

Речь идет о «Союзе борьбы за освобождение рабочего

класса», организованном В. И. Лениным осенью 1895 года. «Союз борьбы» объединял около двадцати марксистских кружков Петербурга. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, Н. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Л. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывала эти группы с фабриками и заводами.

21.

IX съезд РКП(б) состоялся 29 марта – 5 апреля 1920 года в Москве. По своему составу IX съезд был самым многочисленным из всех предшествовавших ему съездов партии: в нем участвовало 715 делегатов, из них с решающим голосом – 553, с совещательным – 162, представлявших 611 978 членов партии. На нем были представлены партийные организации Центральной России, Украины, Урала, Сибири и других районов, недавно освобожденных Красной Армией. Многие делегаты прибыли на съезд прямо с фронта.

22.

Число членов партии после Февральской буржуазно-

демократической революции 1917 года и по 1919 год включительно изменялось следующим образом: к VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б) 1917 года насчитывалось 80 000 членов партии; к VI съезду РСДРП(б) (июль – август 1917) – около 240 000; к VII съезду РКП(б) (март 1918) – не менее 300 000; к VIII съезду РКП(б) (март 1919) – 313 766 членов партии.

23.

Речь идет о «партийной неделе», которая проводилась на основе решения VIII съезда РКП(б) о расширении численности состава партии. Она проходила в период напряженной борьбы Советского государства против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции. Впервые партийная неделя была проведена в петроградской организации РКП(б) с 10 по 17 августа 1919 года (вторая партийная неделя в Петрограде проходила в октябре – ноябре 1919 года); с 20 по 28 сентября партийная неделя была проведена в московской губернской организации. Обобщая первый опыт проведения партийной недели, пленум ЦК РКП(б) 26 сентября 1919 года постановил провести партийную неделю в городах, деревнях и армии. В конце сентября Центральный Комитет обратился ко всем партийным организациям с циркулярным письмом, в котором указал, что после завершения перерегистрации и чистки почти во всех партийных организациях ЦК

считает своевременным приступить к приему новых членов в партию. ЦК подчеркивал, что в течение партийной недели в партию следует принимать только рабочих, работниц, красноармейцев, матросов, крестьян и крестьянок. Для всех остальных на это время прием в партию должен быть закрыт. В результате партийной недели только по 38 губерниям европейской части РСФСР в партию вступило свыше 200 тысяч человек, из них более половины рабочих, на фронтах же в партию было принято до 25 процентов всего личного состава армии и флота. Ленин писал, что рабочие и крестьяне, пришедшие в партию в такой тяжелый момент, «составляют лучшие и надежнейшие кадры руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства» (Сочинения, 5 изд., том 40, стр. 141).

24.

«Коммунистический Интернационал» – журнал, орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала; выходил на русском, немецком, французском, английском, испанском и китайском языках. Первый номер вышел 1 мая 1919 года. В журнале печатались теоретические статьи и документы Коминтерна, в нем был опубликован ряд ленинских статей. Журнал освещал основные вопросы марксистско-ленинской теории в связи с проблемами международного рабочего и коммунистического движения, опыт строительства

социализма в Советском Союзе, вел борьбу с различными антиленинскими течениями. Издание было прекращено в июне 1943 года в связи с постановлением Президиума Исполкома Коминтерна от 15 мая 1943 года о роспуске Коммунистического Интернационала.

25.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1953, стр. 105.

26.

«Folkets Dagblad Politiken» («Ежедневная Народная Политическая Газета») – газета шведских левых социал-демократов, в 1917 году образовавших Левую социал-демократическую партию Швеции; издавалась в Стокгольме с апреля 1916 года, сначала через день, затем ежедневно (до ноября 1917 года называлась «Politiken»). Редактором ее в 1918–1919 годах был Ф. Стрём. В 1921 году Левая социал-демократическая партия Швеции вошла в Коминтерн и приняла название Коммунистической; газета стала ее органом. После раскола Коммунистической партии Швеции в октябре 1929 года газета перешла в руки ее правого крыла, Издание прекращено в мае 1945 года.

27.

Промышленные рабочие мира (Industrial Workers of the

World – I. W. W.) – профсоюзная организация рабочих США, основанная в 1905 году; объединяла главным образом неквалифицированных и низкооплачиваемых рабочих разных профессий. В ее создании принимали активное участие деятели американского рабочего движения Д. Де Леон, Ю. Дебс и У. Хейвуд. Организации Промышленных рабочих мира были созданы также в Канаде, Австралии, Англии, Латинской Америке, Южной Африке. В условиях массового стачечного движения, развернувшегося в США под влиянием революции 1905–1907 годов в России, Промышленные рабочие мира провели ряд успешных массовых стачек, боролись против политики классового сотрудничества, проводившегося реформистскими лидерами Американской федерации труда и правыми социалистами. В годы мировой империалистической войны при участии федерации был проведен ряд антивоенных массовых выступлений американского рабочего класса. Некоторые руководители Промышленных рабочих мира (У. Хейвуд и другие) приветствовали Великую Октябрьскую социалистическую революцию и вступили в Коммунистическую партию США. В то же время в деятельности организации проявлялись анархо-синдикалистские черты: она не признавала политической борьбы пролетариата, отрицала руководящую роль партии, необходимость диктатуры пролетариата, отказывалась вести работу среди членов профсоюзов,

входивших в Американскую федерацию труда. Анархо-синдикалистские лидеры организации, воспользовавшись тем, что многие революционные деятели находились в тюрьме, вопреки воле профсоюзных масс отклонили в 1920 году обращение Исполкома Коммунистического Интернационала, призывавшее ее примкнуть к Коминтерну. Вследствие оппортунистической политики руководства Промышленные рабочие мира превратились в сектантскую организацию, потерявшую вскоре влияние в рабочем движении.

175.

«Коммунистическая Рабочая Газета» («Kommunistische Arbeiterzeitung») – орган анархо-синдикалистской группы немецких «левых» коммунистов (см. примечание 19). Газета издавалась в Гамбурге с 1919 по 1927 год.